

**Федеральное государственное бюджетное образовательное
учреждение высшего образования
«РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАРОДНОГО ХОЗЯЙСТВА
И ГОСУДАРСТВЕННОЙ СЛУЖБЫ
ПРИ ПРЕЗИДЕНТЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ»**

Успенский Ф.Б.

**Семейная связь как политический каркас государства:
род и социум в средневековой Руси (X-XVII вв.)**

Москва 2020

Аннотация. В работе представлен историко-филологический анализ отображения политических реалий с помощью терминов родства и свойства в русских средневековых текстах (в летописях, агиографических сочинениях, берестяных грамотах и древнерусской эпиграфике, актовом материале и памятниках права). В процессе исследования составлен полный корпус употребления терминов родства и свойства в древнейшем летописании, который позволяет показать, что в основе средневековой политической терминологии лежала система родовой терминологии. Реконструкция воздействия концептов родства и свойства на представления о социальной иерархии потребовала исследование полной картины внутрдинастических и междинастических браков, служивших одним из главных инструментов заключения политических союзов в средневековой мире. Кроме того, была исследована терминология местничества и культ личных патрональных святых как элемент семейного и публичного благочестия русской знати в 11-17 вв. Произведен компаративный анализ политической лексики, опирающейся на концепты родства на Руси, в Византии и в Северной Европе эпохи Средневековья.

Summary. The work focuses on historical and philological analysis of representation of political realia, as reflected in terms of kinship and relationship by marriage, in Russian medieval texts (chronicles, hagiography, birch-bark letters, epigraphical writings, acts and law texts). The research resulted in a full corpus of usage of terms of kinship and relationship by marriage in the ancient chronicles. It allowed to demonstrate that the basis for political terminology was made up of kinship terminology. Reconstructing the way in which concepts of kinship and relationship by marriage influenced the perception of social hierarchy required full examination of dynastic and intradynastic marriages which served as one of the principal instruments of forming political alliances in the medieval world. Also, the terminology of mestnichestvo and cult of personal patronal saints was studied as an aspect of family and public devotion of the Russian elites in the 11th – 17th centuries. Comparative analysis of political vocabulary based on kinship concepts in medieval Rus', Byzantium and the Northern Europe was conducted.

Успенский Ф.Б., заведующий научно-исследовательской лабораторией древнерусской культуры ШАГИ ИОН Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ.

Данная работа подготовлена на основе материалов научно-исследовательской работы, выполненной в соответствии с Государственным заданием РАНХиГС при Президенте Российской Федерации на 2019 год.

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ.....	4
1 Реконструкция функциональной истории международных и «местных» браков в русской правящей династии.....	8
2 Создание корпуса родовой терминологии в русском средневековом историографическом нарративе. Родовые отношения, княжеская власть и структура социума: эволюция понятий и формирование терминологий.....	10
2.1 Расширение базы данных по домонгольской терминологии родства.....	10
2.2 Создание основы для корпуса родовой терминологии XIV–XVII вв.....	18
3 Описание динамической картины восприятия социальных институтов средневековой Руси с помощью концептов родства, свойства и возрастных параметров.....	33
3.1 Термины родства, политическая терминология и продвижение по социальной лестнице в XIV–XVII вв.....	33
3.2 Поручная грамота за Жедивида и события 1392–1393 гг. в Великом княжестве Литовском.....	35
3.3 Ганзейский документ 1425 г. и проблема новгородских «старых посадников».....	37
3.4 Терминология междинастических связей позднего Средневековья: послания великого князя московского Василия III французскому королю Франциску I.....	37
3.5 Должностное и семейно-родовое: Лугвень, Новгород и восточная политика Витовта (1411–1414) в свете малоизвестных источников Кёнигсбергского архива.....	39
3.6 Происхождение, родственные связи и статус землевладельцев межкультурного пограничья: русские помещики Полоцкого повета во время Ливонской войны.....	40
4 Местничество, генеалогическая традиция и персональный патронат святых как инструмент властного и имущественного структурирования общества; Средневековье на пороге Нового времени.....	41
4.1 Имена собственные и древнерусские представления о своеобразной родственной иерархии городских центров: возможный источник «Списка городов русских дальних и ближних».....	41
5 Петр I как крестный отец своих подданных: древнерусские традиции и имперские инновации.....	43
ЗАКЛЮЧЕНИЕ.....	44
СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ.....	46

ВВЕДЕНИЕ

Родовая терминология в Древней Руси не только активнейшим образом использовалась для обозначения самых разных типов политических взаимоотношений и властных, государственных полномочий, но и служила воплощением того «родового» взгляда на мир, который задавал самую структуру властных и политических отношений в стране. «Отец», «брат», «сирота», «чадь» и т. п. уже в XI–XII вв. приобретают функции социально-политических маркеров в номинации и не утрачивают их вплоть до петровской эпохи, а иногда и переваливают за границу Нового времени. При этом в этой политической истории терминологии родства безусловно следует различать несколько эволюционных этапов.

Первый — в целом совпадающий с так называемым домонгольским временем (X – начало XIII в.) в древнерусских источниках напрямую связывается с такими представлениями о политической системе, когда вся русская земля является коллективным владением единого правящего рода. Соответственно, термины родства в эту эпоху, обладая мощнейшей семиотической нагруженностью, даже при описании государственной политики не утрачивают своей тесной связи со своими первоначальными генеалогическими, «биологическими» значениями. Выстраивая систему власти, князья и их подданные и в самом деле постоянно оглядываются на модель семьи. Этому весьма благоприятствуют довольно рано сложившиеся и хорошо отработанные механизмы передачи семейных ролей другим членам рода; с определенного момента эти механизмы способны эффективно работать, экстраполируя родовую иерархию на иерархию политическую, охватывающую огромные территории. Основным же средством для освоения и осмысления нового в культурном и географическом отношении пространства, основным способом установления международных контактов, а заодно и трансформации чужого в свое, является межэтнический и междинастический брак. С другой стороны, браки оказываются мощнейшим регулятором властных и политических конфликтов внутри средневековой Руси, создавая объединения и коалиции в пределах разросшегося и разошедшегося рода Рюриковичей.

Проблеме внутринастических и междинастических матримониальных союзов посвящен первый раздел нашего исследования. Здесь продемонстрировано, в частности, каким образом междукняжеские супружеские союзы выстраиваются в сложную политическую систему, где ни одна возможность не упускается, а всякий брак, с одной стороны, скрепляет некие политические договоренности, но, с другой, сам по себе создает почву для новых политических коллизий и коалиций. Показано, кроме того, как в этой системе брачных отношений могут преодолеваться, обыгрываться и использоваться к

выгоде конкретных участников всевозможные сбои и нарушения. Показано, сверх всего прочего, как самый намек на еще не состоявшийся, неожиданный брак может привести к перестройке всех властных отношений и череде политических убийств.

Второй раздел исследования целиком сосредоточен на функционировании терминов родства в разных социальных стратах средневекового социума домонгольской поры. Политическая семантика родовой терминологии, равно как и принципы политической эксплуатации семейно-родственных отношений, весьма наглядно проявляются во взаимодействии русских князей с половецкой элитой, охватывающем почти два столетия. Весьма интересно, что именно в половецких браках начала XII в. мы впервые наблюдаем в развернутом виде такую модель союзнического договора, подкрепляемого договором матримониальным, когда главными действующими лицами оказываются отцы брачующихся. Эта модель отношений, условно обозначаемая нами «сват ↔ сват», довольно универсальна для династической практики как таковой, и впоследствии она станет весьма востребованной в собственной внутридинастической жизни русских князей. Сосуществуя у Рюриковичей с моделью «тесть ↔ зять», она характеризуется большей стабильностью династических отношений, долгосрочной их прагматикой.

Довольно популярной окажется на Руси и модель одновременного заключения нескольких внутридинастических браков, знаменующих начало нового коалиционного союза или конец предшествующего длительного противостояния. Впервые же эти «приемы», насколько мы можем судить по летописям, были апробированы именно на браках с кочевниками, когда Владимир Мономах и Олег Святославич разом заключили договоренность о браке своих малолетних сыновей с половчанками.

В эпоху внуков Ярослава Мудрого мы наблюдаем и первые признаки существования своеобразного ритма в русско-половецких контактах, — ритма, ощущаемого в связях матримониальных весьма зримо. Этот ритм определялся сразу несколькими параметрами. Смена персонажей на важнейших русских столах (прежде всего, на столе киевском) сопровождается заметным повышением половецкой активности, которая сопряжена с необходимостью заключения нового договора между Русью и кочевниками, а смерть могущественного вождя половецкого клана, в свою очередь, может потребовать обновления матримониальных контактов между Рюриковичами и половцами. В дальнейшем воздействие на этот ритм могут оказывать и какие-то дополнительные факторы, связанные со все усложняющейся династической жизнью Рюриковичей и все большим накоплением их родовых контактов со степным миром.

Вовлеченность половцев во внутридинастические дела русских князей становится особенно очевидной в тот период, когда в борьбу за старшие княжеские столы вступают русские князья, связанные (в силу прежде заключенных матримониальных союзов) узами кровного родства с князьями половецкими. Это время подросших зятьев (а особенно — племянников и внуков половецких) можно условно обозначить как третий виток русско-половецкого взаимодействия. Именно в эту пору обнаруживается, насколько для половцев важны те родственные отношения, которые возникают через женщин, — активная помощь степных уев (дядьев с материнской стороны), характерным образом, оказывается весьма значимой в эпоху внутридинастических усобиц Рюриковичей 1140-х – 1150-х гг.

Примечательно, что при описании этих усобиц в летописи явно актуализируется термин сестричичь (т. е. «сын сестры, племянник»), используемый для характеристики внутриродовых отношений самих русских князей. Так, один из представителей черниговского дома, Святослав Ольгович, постоянно прибегает к поддержке своих «диких уев», половецких вождей, приходящихся ему родней по матери, тогда как другой, Святослав Всеволодич, поочередно присоединяется то к стрьям, русским дядьям по отцу, то к уям, русским дядьям по матери, которые готовы оказывать ему поддержку как своему сестричичу. Система наследования власти у Рюриковичей на протяжении всего домонгольского времени имеет довольно выраженную андроцентрическую ориентацию. Не исключено, что именно контакты с половецким миром позволили хотя бы в какой-то степени учесть и выгодно задействовать такой ресурс, как внутридинастическое кровное родство по женской линии, хотя ресурс этот, разумеется, и прежде не игнорировался полностью. Можно допустить, кроме того, что самое наличие половецкого родства и свойства было способно иной раз лечь в основу коалиции между двумя или несколькими русскими князьями: два Рюриковича из разных семей, имеющие половецких дядьев, половецкого тестя или половецкого деда, поддерживая друг друга в усобице, объединяют не только собственные силы, но и силы помогающих им степных кланов.

Возвращаясь к проблеме функциональной эволюции родственной терминологии, следует отметить, что на следующих ее этапах исходные, непосредственно связанные с биологическими отношениями внутри семьи значения соответствующей лексики отходят на второй план в ее социальном функционировании. При этом изменение ее статуса служит прекрасным индикатором становления единовластия и организации сугубо вертикальной иерархии, на вершине которой находится место только для одного человека, а не для некой совокупности родичей.

Этой проблематике посвящены третий и четвертый разделы исследования. В третьем разделе речь по преимуществу идет о родовой терминологии как своеобразном

зеркале динамики социальных отношений на Руси XIV–XVII вв. и о том, какую роль в этом процессе играют концепты возраста и родства. Так весьма интересные результаты дают наблюдения над термином «старый посадник», появляющимся в новгородских документах 20-х гг. XV в. В историографии XIX – начала XX вв. они обычно рассматривались как «бывшие посадники», сохранявшие после своего ухода с должности определённое политическое влияние. В.Л. Янин предположил, что «старые посадники» были на самом деле старшими, т. е. главными, посадниками — по сравнению с другими посадниками, численность которых постепенно увеличивалась в XV в. Анализ ганзейских документов показывает, что, с одной стороны, «старые посадники», скорее всего, были бывшими посадниками, с другой стороны, – что появление этого выражения свидетельствует об усилении кланово-олигархических тенденций в Новгороде XV в. Рассмотрение функционирования системы родовой терминологии в разных политических зонах средневековой Руси в целом оказывается очень перспективным инструментом анализа политической ситуации в Восточной Европе. Эта система, с одной стороны, остается тем, что сближает Московскую и Литовскую Русь, Северо-Восточные центры с Новгородом и Псковом, но, с другой стороны, в условиях межкультурного и межконфессионального пограничья, в точках соприкосновения Руси с западным миром, терминологизация социально-политических отношений безусловно имеет свои особенности в отражении иерархических отношений. Особую роль эта терминология приобретает в связи с историей взаимоотношений церкви и государственных институтов. Тема центра и периферии в выстраивании социально-политических отношений на основе генеалогии в четвертом разделе развивается применительно к позднерусскому периоду. Особое внимание уделяется взаимодействию московской и местной элит в Северо-западных и Юго-западных землях. Финальным сюжетом этого раздела становится история наследования древнерусских представлений о кровном и духовном родстве в Новое время. Мы рассматриваем, в частности, как использует и трансформирует этот устоявшийся символический язык Петр I, становясь крестным отцом детей своих приближенных.

1 Реконструкция функциональной истории международных и «местных» браков в русской правящей династии

Матримониальные соглашения становятся весьма эффективным средством для объединения интересов различных ветвей весьма разросшегося рода. Особено же показательны случаи, когда объединялись две ветви, разошедшиеся с самого начала, да еще в переговорах участвовали такие их представители, которые могли претендовать на старшинство в собственной семье. Поскольку, как уже отмечалось, Глеб Всеславич был взрослым человеком, а его невеста — совсем юной, то центр тяжести при заключении этого союза скорее всего определялся соглашением между зятем (Глебом) и тестем (Ярополком), хотя наверняка в деле должен был так или иначе фигурировать и отец Глеба, Всеслав Брячиславич, глава полоцкого дома.

Ветвь Ярослава Мудрого, к каковой принадлежали Ярополк, его отец и родные дядья, по родовому счету была младше ветви полоцких князей, потомков Изяслава Владимировича. К 80-м гг. XI в. конфликты, сотрясавшие династию в середине этого века, отнюдь не ушли в прошлое. Всеслав был единственным наследником своего отца, Ярополк — старшим в своем поколении Ярославичей. Женитьба сына одного из них на дочери другого в определенном смысле объединяла бы и усиливала их претензии на тотальное старшинство в династии и оставляло бы далеко позади притязания всех прочих членов рода. Весь клан полоцких князей получал немедленную поддержку в лице Глебова тестя, сам же этот тесть, Ярополк, приобретал, в свою очередь, дружбу и помощь Всеслава и Всеславичей. Очевидно, что такого рода сотрудничество, как и все союзы, основанные на браке, разом объединяло в себе тактику и стратегию. В дальней перспективе Ярополк мог рассчитывать, что полоцкие князья, во-первых, не станут соперничать с ним за киевский стол, как соперничали в свое время с его отцом и дядьями, и, во-вторых, родовые права и военная сила этих свойственников пойдут ему на пользу в грядущем противостоянии с его собственными кузенами. В перспективе же ближней поддержка зятя и всей его родни позволяла Ярополку потребовать от дяди (Всеволода Ярославича) большего, чем ему досталось при первоначальном разделе, и недвусмысленно заявить всему роду о своих будущих правах, о тех новых основаниях старшинства, которые приобрела теперь его семья.

Опасность этой созданной Ярополком матримониально-генеалогической конструкции ясно читалась остальными Рюриковичами. Коль скоро он договорился со Всеславичами, воевать с ним, а тем более — умалять его права на династическое старшинство, оказывалось весьма затруднительным. Благодаря такой почти шахматной

комбинации родовые преимущества Ярополка могли показаться неуязвимыми ни для чего, кроме внезапной гибели. Этот-то ответный ход и был сделан.

Напомним еще раз, что союз Ярополковны и Глеба Всеславича был первым в истории Рюриковичей внутридинастическим браком. Не исключено, что князья отчасти даже переоценивали степень нерушимости и серьезность угрозы, исходящей от такого союза. На протяжении XII в. у них была возможность убедиться, что отношения между тестем и зятем или двумя сватами отнюдь не всегда оказывались столь безоблачно устойчивыми, как они задумывались при заключении брака, что переменчивость политических интересов подчас оказывается сильнее уз свойства. Однако в последней трети XI в. это новое, еще не испытанное оружие представлялось, по-видимому, неким абсолютно действенным инструментом, способным перечеркнуть все старые средства и связи и раз и навсегда изменить ход династической истории.

2 Создание корпуса родовой терминологии в русском средневековом историографическом нарративе. Родовые отношения, княжеская власть и структура социума: эволюция понятий и формирование терминологий

2.1 Расширение базы данных по домонгольской терминологии родства

2.1.1

Термины родства, семейные связи и система политических договоренностей в домонгольской Руси

Сегодня, говоря о средневековых браках правителей, мы воспринимаем их прежде всего как некий вспомогательный инструмент, без сомнения, очень важное, но все же сугубо прикладное и служебное средство осуществления внутренней или внешней политики династии. Между тем, для самих князей, летописцев и их аудитории акценты, по-видимому, были расставлены несколько иначе. В определенном смысле, брак и возникающие благодаря ему связи и были политикой, вместе со узами кровного родства они формировали «правовое поле» владения землей и властных претензий, позволяли осваивать новое географическое и культурное пространство, воплощали в себе состояние мира или переход к военным действиям — словом, формировали ту напряженную и динамичную сетку притяжений и отталкиваний, в которой от рождения до смерти протекала жизнь русского князя.

Для русских правителей XI в. было по преимуществу эпохой браков междинастических, когда княжон отдавали замуж за границу (в Венгрию, в Норвегию, во Францию, в Польшу), а жен для княжичей также подбирали за пределами Руси. Собственно говоря, многие десятилетия внутридинастический брак для Рюриковичей оставался делом невозможным, поскольку все они, будучи потомками князя Владимира Святославича, состояли друг с другом в слишком близком кровном родстве, запретном для женитьбы с точки зрения церковных норм. Однако уже относительно конца 80-х гг. XI в. у нас есть по крайней мере одно надежное свидетельство о матримониальном союзе между двумя урожденными Рюриковичами. Речь идет о браке дочери Ярополка Изяславича и Глеба Всеславича Минского [32, стлб. 492–493]. Жених и невеста были праправнуками Владимира Святого по мужской линии и приходились друг другу кровными родственниками в 8-й (т. е. дозволенной для брака) степени. В XII же в. такие браки постепенно начинают преобладать над браками междинастическими и превращаться в своеобразную опорную конструкцию родовой и государственной повседневности.

Более или менее достоверно мы знаем примерно о шести десятках внутридинастических браках, заключенных до середины XIII в., и это при том, что канонические правила налагали целый ряд ограничений на союзы между лицами,

состоящими в кровном родстве, родстве духовном и в свойстве, возникшем в результате матримониальных союзов, уже заключенных прежде. По достаточно рано сложившейся на Руси традиции, каждый княжич, если он только не был болен от рождения, должен был жениться, а коль скоро ему случалось овдоветь, то чаще всего он вступал в брак снова. Создается отчетливое впечатление, что практически ни один из шансов, допустимых женитьб на представительницах собственного рода, не был упущен — подобно тому, как не остаются пустыми княжеские столы или не выходят из употребления (если на то нет особых, четко выраженных причин) родовые имена предков, не пропадают втуне и дозволенные с канонической точки зрения возможности для междукняжеского брака. Поэтому нам представляется оправданным говорить о системности матримониальной стратегии Рюриковичей.

Эта система имеет собственную историю. Мы сталкиваемся здесь то с ситуацией, когда два княжеских брака заключаются одновременно (как это было, например, с Юрием Долгоруким, выдавшим одну из своих дочерей за сына Владимира Галицкого, а другую — за сына Святослава Черниговского) [33, стлб. 394], то со случаем, когда тесть, вопреки общепринятому обыкновению, приравнивает зятя к родным сыновьям, а затем оба они полностью отказываются от прежде принятых на себя ролей, то со следующими друг за другом, так сказать, каскадными нарушениями церковных предписаний в области брака [19, с. 45–68] и т. д.

2.1.2

Порождение письменного текста как семейное ремесло: кем были братья Матфей и Лаврентий, писцы новгородских миней рубежа XI–XII веков?

Данный раздел посвящен происхождению комплекса пергаменных рукописей, так или иначе связанных с новгородским женским монастырем Св. Лазаря, впервые упомянутым в летописи под 1300 г. Три из этих рукописей — служебные минеи за сентябрь, октябрь и ноябрь — датируются 1090-ми гг. Основным источником исследования будут записи или, используя удачный термин В.Б. Крысько (2018), *экстратексты* рассматриваемых рукописей. Из дополнительных источников можно выделить палеографию, то есть особенности письма писцов этих книг. Для уточнения истории написания и дальнейшего функционирования рукописей необходимо атрибутировать почерки, а также уточнить текст и перевод экстратекстов.

В середине — второй половине 1090-х гг. в пока что неустановленном новгородском скриптории писался комплект миней, от которого сохранились тома за три первых месяца богослужебного года. Основными писцами томов за сентябрь, октябрь и ноябрь были Яков Домка и Михаил, оставившие в них многочисленные записи. Вероятно,

эти рукописи предназначались для женского монастыря Богородицы в Зверинце. Через некоторое время эти минеи, по крайней мере два первых тома, оказались в соседнем женском Лазаревом монастыре. Вместе с ними там же длительное время хранились тома за январь, февраль и апрель, которые были написаны единовременно, приблизительно в 1100–1115 гг., и, по-видимому, уже для самого Лазарева монастыря. К тому же «второму комплекту» относятся и дошедшие до нас минеи за июль и август, в первой из которых имеется запись о ее написании для монастыря Св. Лазаря. В написании второго лазаревского минейного комплекта принимали участие братья, то есть, по-видимому, монахи, Матфей и Лаврентий, а также еще один носитель имени *Дѣмъка*. Этот Домка, которого ранее ошибочно путали с Яковом Домкой, позднее участвовал в переписывании как минимум трех важных рукописей. Он был основным писцом Милятина евангелия, возможно, тоже предназначавшегося для Лазарева монастыря. В выходной записи в евангелии Домка сообщил, что он был попом у Св. Лазаря и что писал евангелие и несохранившийся апостол в голодный год, то есть, по-видимому, в 1127–1128 гг. Еще одной рукописью, частично написанной попом Домкой, является древнейший славянский паремейник Типографского собрания под № 50, который можно называть *Лазаревским паремейником* по его старому месту хранения. Место написания второго комплекта миней, а также евангелия, апостола и паремейника попа Домки тоже не известны. Возможно, это был древний мужской монастырь Сошествия Святого Духа на апостолов, располагавшийся неподалеку от Зверина и Лазарева монастырей.

2.1.3

Система родовой и политической терминологии в самом загадочном тексте рубежа XI–XII вв.: из комментария к «Поучению» Владимира Мономаха

Слово *сѣмьца*, надежно выделяемое в контексте «Поучения», за его пределами не известно и является одной из лексических загадок нашего памятника. Относительно значения этой лексемы было высказано несколько гипотез, из которых в настоящее время сохраняют актуальность две. В лингвистической литературе данное слово, вслед за А. И. Соболевским, трактуется чаще всего как производное от *сѣмь*, откуда происходит также *сѣмья*. При этом значение его определяется как ‘младший член семьи, слуга’. Эта трактовка принята и Д.С. Лихачевым в академическом издании ПВЛ. Параллельно с нею в исторической литературе получило широкое хождение объяснение Н.В. Шлякова, видевшего в «семечах» поселенцев по р. Семь (совр. Сейм). В исследованиях последнего времени понятие «семичи» трактуется как племенное название жителей Посемья, во времена Владимира Мономаха представлявшее собой рудимент старой этнонимической системы.

Прежде чем коснуться значения слова, необходимо внести ясность в формальную сторону дела. Из второго контекста начальная форма лексемы однозначно восстанавливается как *сѣмьца*. Фигурирующая в словарях «этимологическая» запись *сѣмьца*, представляет собой некоторое насилие над орфографией Лаврентьевской летописи, которой мена *ѣ* и *ѣ* в целом не свойственна (во всяком случае, в непосредственном окружении данного контекста другие ее примеры отсутствуют). Заметим, впрочем, что само по себе данное обстоятельство не составляет препятствия для этимологии Соболевского, поскольку и слово *сѣмья* в рукописях, не смешивающих *ѣ* и *ѣ*, нередко пишется через *ѣ*.

Первый из приведенных выше контекстов, в котором данное слово предполагается без особой уверенности, производит впечатления безнадежно испорченного. Действительно, трактовать *семечи* и *семцю* как словоформы одной лексемы не представляется возможным. От ожидаемой формы В. мн. *семци* чтение рукописи отличает нестандартное «прояснение» слабого *ь* и столь же аномальная для Лаврентьевской летописи замена *ц* на *ч*. Хотя в рукописи присутствуют единичные примеры цоканья, возможно, восходящие к тверскому протографу, крайне маловероятно, чтобы один из них пришелся именно на данное слово, совпав с еще одной фонетической аномалией.

Остается предположить, что текст был неправильно понят писцом, заменившим *семци* своего оригинала на *се мечи* (как понимали это место и первые издатели памятника). Однако смысловая и синтаксическая ущербность такого чтения делает, на наш взгляд, предпочтительным другое решение, сводящее к минимуму активность переписчика в обхождении с непонятым им фрагментом текста.

В таком случае мы вполне можем прочесть текст, проигнорировав следующую точку и иначе разделив его на слова: *а семечии полонъ весь ѿтѣхо*^м. Словоформа *семечии*, которую мы при этом выделяем, есть фонетически закономерная форма В. ед. муж. притяжательного прилагательного *семьчии*, соотносящегося с *сѣмьца* по той же морфонологической модели, какую в современном русском языке демонстрирует, например, пара *овца* ~ *овечий* (др. русск. *овьца* ~ *овьчии*).

Возвращаясь к значению слова *сѣмьца*, нужно прежде всего отметить лингвистическую некорректность «этнонимического» объяснения, предложенного Шляковым и, как уже было сказано, укоренившегося в исторической литературе. Полюбившиеся историкам «семечи» представляют собой словообразовательный фантом, не соотносимый ни с какой реальной древнерусской лексемой. Отгидронимические образования с суффиксом *-ьц* в древневосточнославянской этнической номенклатуре вообще не представлены. Племенное название, производное от названия р. Семь, могло бы

иметь вид *семичи* (этот вариант также имеет хождение в литературе), но такой реконструкции решительно противоречит сингулятив *семьца*. На этом фоне уже не столь существенными выглядят смысловые препятствия к принятию объяснения Шлякова, хотя и они вполне очевидны. Уникальность гипотетических «семечей/семичей», с их архаичным самоназванием, в древнерусской этно-географической ситуации конца XI в. сама по себе не может не вызывать подозрений, как и особое внимание, проявляемое Мономахом именно к этой социальной категории.

Судя по контекстам, в которых данный социальный термин употребляется Мономахом, он должен означать война, дружинника. Ср. параллелизм: *семечии полонъ весь отъяхом* и *оу Глѣбовы чади пояхомъ дружину свою всю*. Показательно, с другой стороны, противопоставление одного «семца» и нескольких «смердов», позволяющее заключить о более высоком социальном статусе «семцов», их принадлежности к дружинной организации. Поскольку древнерусская дружинная номенклатура в значительной мере базировалась на семейно-родовой терминологии (ср. *мужи, отроки, детские*), указанное значение вполне согласуется с предполагаемым Соболевским значением 'младший член семьи, слуга'. Иначе говоря, «семцы» в понимании Соболевского — это те же «отроки» и «детские», т. е. младшие княжеские дружинники. Лингвистически и исторически данное объяснение нужно признать единственно приемлемым.

2.1.4

Властно-родовые отношения на границе Руси и Степи: надписи на таманских брактеатах Олега–Михаила Святославича

Данный подраздел посвящен надписи на тонких монетовидных металлических пластинах, вошедших в науку под названием *таманских брактеатов*.

На сегодня известно о 15 экземплярах таманских брактеатов. Два из них хранятся в музеях: это брактеат Государственного исторического музея в Москве¹ и брактеат Краснодарского государственного историко-археологического музея-заповедника им. Е.Д. Фелицына². Часть экземпляров из частных собраний опубликована, новые экземпляры продолжают появляться на черном рынке. В частности, новый экземпляр «оборотного» брактеата выставлялся на Интернет-аукцион *coins.su* в 2017 г.

Как заметил К.В. Бабаев, экземпляр, опубликованный им под номером Vb.7, чеканен поверх монеты боярина Ратибора, которая уверенно датируется 1079–1081 гг., когда Ратибор управлял Тмутороканом, что опровергает выдвигавшиеся предположения о более ранней датировке брактеатов.

¹ Отдел нумизматики, инв. № 71775, № Va.1 по К. В. Бабаеву.

² КМ 11631: Мд 4134.

Изображение архангела Михаила на «оборотных» пластинах не обязательно является патрональным. Так, оно представлено на многочисленных змеевиках, на которых вокруг изображения арх. Михаила обыкновенно идет молитвенная надпись *Господи, помози рабу своему* ... с самыми разными именами владельцев. Наиболее известен золотой экземпляр (так называемая *Черниговская гривна*), который традиционно атрибутируется Владимиру Мономаху по имени *Василии* в молитвенной надписи [29, с. 299].

Княжеский знак на «лицевой» стороне брактеата представляет собой линейный двузубец с килевидной ножкой и крестом на левом зубце (или на правом при зеркальном прочтении). А.В. Орешников указал на близость этой тамги к знаку на печати, атрибутированной Н.П. Лихачевым Всеволоду Ольговичу [19, с. 45]. Олег–Михаил многие годы княжил в Тмуторокане, поэтому А.В. Орешников предположительно атрибутировал брактеат именно этому князю [19, с. 67]. Данное предположение было развито К.В. Бабаевым. Вопреки альтернативным мнениям А.А. Молчанова и автора этих строк, гипотеза А. В. Орешникова – К.В. Бабаева получила недавно убедительное подтверждение: И.А. Жуков опубликовал печать со сходным княжеским знаком с прямой ножкой и уверенно атрибутировал ее по надписи на парной печати Олегу–Михаилу Святославичу, внуку Ярослава Мудрого. Это позволило автору этих строк вернуться к атрибуции А.В. Орешникова и К.В. Бабаева.

После публикации неизвестных ранее экземпляров таманских брактеатов К. В. Бабаевым на совокупности введенных в научный оборот брактеатов надпись оказалась полностью видна, что позволило вновь обратиться к ее прочтению.

Прочтение на брактеате искаженной древнерусской надписи, не содержащей личного имени и не находящей прямых аналогий в древнерусском материале, исключает возможность отнесения краснодарского экземпляра таманского брактеата к подделкам.

Итак, таманские брактеаты несут на двух своих сторонах изображения архангела Михаила и княжеского знака Олега–Михаила Святославича, который долгое время владел Тмутороканем. Круговая надпись вокруг тамги Олега существенно искажена резчиком, не знакомым с кириллицей. На основании изучения хорошо сохранившихся экземпляров брактеатов удалось предложить реконструкцию первоначально задуманной надписи: это была молитвенная инвокация без упоминания имени эмитента.

2.1.5

Родовые связи и хозяйственная деятельность в средневековом Новгороде (на примере берестяной грамоты № 1021)

Значение берестяных грамот для истории денежной системы средневекового Новгорода первым в должной мере оценил В.Л. Янин [49]. Хотя отдельные выдвинутые

им положения впоследствии потребовали корректировки или были отвергнуты (исследователь был безусловно прав в главном — восприятии берестяных грамот как источника, способного не просто дополнить и проиллюстрировать существующие представления о древненовгородских финансах, но и пролить новый свет на самые основы их устройства. В этом отношении работы В.Л. Янина обогнали свое время — к моменту их появления наиболее важные для исследования данной проблематики тексты на бересте еще не были найдены или адекватно интерпретированы.

Найденная в 2012 г. на Троицком раскопе, грамота принадлежит к «блоку Якима» — крупнейшему из известных ныне комплексов берестяных документов, написанных одним почерком. На сегодняшний день этот блок насчитывает 38 документов, происходящих с территории усадьбы «Ж» и стратиграфически датируемых 60-ми — серединой 90-х гг. XII в. Подавляющее большинство грамот этого комплекса представляют собой деловые записи, в которых Яким предстает как управляющий крупным боярским хозяйством.

При публикации грамоты анализ отраженной ею торговой операции не пошел далее вычисления цены беличьей шкурки, которая оказалась равной примерно 0,72 кун. Значение этой величины раскрылось лишь позже, после находки грамоты № 1072, и то не сразу. Разбирая грамоту повторно, мы предположили, что гривна серебра названа в ней «семницей» из-за ее эквивалентности цене семи сорочков беличьих шкурок. При допущении такой эквивалентности и соотношении «гривна серебра = 8 гривен кун = 200 кун», актуальном для Новгорода конца XII в., цена одной шкурки составляет 0,714 (то есть $5/7$) кун, отличаясь от выводимой из грамоты № 1021 менее чем на сотую долю процента. Верность этого расчета подтверждает грамота № 1045, в которой цена «заволочской белки» определяется в 8 гривен. При публикации грамоты не был поставлен вопрос, какому количеству шкурок соответствует эта сумма. Между тем, при цене 0,714 кун за шкурку 8 гривен кун или гривну серебра стоит все те же семь сорочков белки ($7 \times 40 = 280$). Таким образом, в грамоте № 1045 фигурирует та же стандартная для своего времени цена на беличий мех, которая предполагается грамотой № 1072 и к которой чрезвычайно близка цена белки в грамоте № 1021.

О том, что семь сорочков действительно служили принятой мерой большого количества меховых ценностей, свидетельствуют приведенные в нашей работе примеры. Эта мера выступает, в частности, в грамоте 1586 г. царя Федора Ивановича сибирским воеводам об обложении данью князя Лугуя. Соотношение стандартных цен на меха между собой и с двумя стандартами гривны серебра — киевским и новгородским — нуждается в специальном изучении. Мы же «на подлежащее обратимся», вернувшись к Якиму с его

белками. Резюмируем то, что мы уже знаем о зафиксированной грамотой торговой операции. Патрон Якима (условный «Фома») и Борис купили чуть меньше 3100 беличьих шкурок, заплатив за них 89 гривен, 2 ногаты и 5,5 куны, всего 2233 куны, то есть около 0,72 куны за шкурку, что близко к стандартной цене 0,714 (5/7) куны за шкурку, но не совпадает с ней. Из общей суммы Фома заплатил 1127,5 кун, а Борис 1105,5 кун.

Перспективу дальнейшего продвижения в истолковании текста задают три вопроса, которые до сих пор не были поставлены:

1. Сколько именно беличьих шкурок купили компаньоны и почему их было явно не круглое число?

2. Почему доли в покупке Фомы и Бориса не одинаковы, хотя и близки к половине общей стоимости?

3. С чем связано отличие цены шкурки в грамоте (0, 72 куны) от стандарта в 0, 714 (5/7) куны, которому соответствует формула «гривна серебра за семницу»?

Задумавшись над первым вопросом, временно исключим из рассмотрения некруглый остаток и сосредоточимся на целом числе купленных сорочков. Их, как легко убедиться, 77. Учитывая то, что мы уже знаем о «семнице» как мере меховых ценностей, это число вряд ли возможно счесть случайным. Вспомним, что что число соболей, отправленных с новгородскими торговцами в Ливонию в 1625 г., составляло 49, то семью семь сорочков. Числительные семью семь и семьдесят семь суть вариантные формы языковой мультипликации семерки, по-разному интенсифицируя семантику этого числа, играющего, как известно, важную роль в традиционной культуре. Еще одну параллель составляет уже упомянутая сумма, которую, согласно киевскому граффито, заплатила за Боянову землю «княгиня Всеволожая» — «семьдесят гривнь соболии, а в томь драниць семьсьть гривнь» [11, с. 61. № 25]. В публикации: семь съту, но правильно сътъ.; повтор семьдесят — семьсот создает тот же эффект нагнетания семеричности.

Теперь, как нам кажется, мы дошли в истолковании грамоты до конца. По крайней мере, все поставленные вопросы получили разрешение.

2.2 Создание основы для корпуса родовой терминологии XIV–XVII вв.

2.2.1

Новгородцы «от рода варяжска» и троянское происхождение венецианцев: две республиканские легенды *de origine*

В Новгородской первой летописи младшего извода рассказ о призвании варягов читается, как известно, несколько иначе, чем в «Повести временных лет». Одно из отличий — во фразе о появлении имени «Русь»: «И от тѣх Варягъ, находникъ тѣхъ, прозвашася Русь, и от тѣх словет Руская земля; и суть новгородстии людие до днешняго дни от рода варяжска» [25, с. 106]. В «Повести временных лет» в редакции Лаврентьевской летописи и родственных ей (в Ипатьевской она отсутствует) эта фраза выглядит так: «[И] от тѣхъ [Варягъ] прозвася Руская земля. Новугородъци ти суть людье Ноугородъци от рода Варяжска, прежде бо бѣша Словѣни». [32, стб. 20].

Проблема соотношения этих текстов и их смысла неоднократно обсуждалась в историографии. Нас в данном случае будет интересовать не всё известие в целом, а только его фрагмент — фраза о происхождении новгородцев «от рода варяжска». Сложность её интерпретации подчёркнута в недавней работе В.Я. Петрухина (сам исследователь, как можно понять, склонен считать, что на новгородцев была распространена этно-социальная характеристика дружины, пришедшей на Северо-Запад Руси вместе с варяжскими князьями). Принципиально новую её интерпретацию предложил А.А. Гиппиус. Исходя из мысли о первичности текста начальной летописи в НПЛ мл. по сравнению с ПВЛ, он считает, что в Начальном своде конца XI в. читался вариант НПЛ, но иначе трактует её смысл. По мнению А.А. Гиппиуса, финальная часть данной фразы должна пониматься так: «...и до сего дня есть новгородские люди варяжского происхождения», что как бы снимает вопрос о довольно парадоксальном происхождении всех новгородцев от варягов. Спровоцировал появление таких представлений реальный факт скандинавского происхождения части новгородской элиты. Несколько ранее попытку реинтерпретации этой фразы предпринял А.А. Горский. По его мнению, предлог «от» имеет в данном случае временное значение, а указание на варягов говорит не о скандинавском происхождении, а о появлении соответствующих наименований со времён варяжских князей.

Как бы то ни было, для нас существеннее не столько запутанная текстуальная история этого фрагмента и даже не его изначальный смысл, а то, как она понималась в Новгороде. Вариант НПЛ мл., как уже говорилось, может интерпретироваться как минимум двояко. Есть, однако, данные, как представляется, бесспорные.

В летописях новгородской-софийской группы этот фрагмент представлен в контаминированном виде: «Отъ тѣхъ Варягъ находницѣхъ прозвашася Русь, и отъ тѣхъ словеть Руская земля; и суть Новгородстии людие и до дняшного дни от рода Варяжеска, прежде бо быша Словени».

Подтверждение того, что летописцы вкладывали в этот фрагмент определённое содержание, обнаруживается в дальнейшей эволюции этого текста в московском летописании.

В дальнейшем, однако, текст деформируется и изменяется. В тексте XVI в. мы видим, между прочим, сразу два объяснения, которые были предложены не так давно упомянутыми выше учёными: «от тех [варягов]» превратилось в «от тех времён», а происхождение новгородцев от варягов, как можно думать, летописец постарался подменить происхождением династии (но у него это получилось не очень удачно). Наконец, в Никоновской летописи (20-е гг. XVI в.) этот фрагмент выпущен полностью.

Теперь настало время формирования нового понимания призвания варягов и роли в нём новгородцев. Согласно Степенной книге (начало 60-х гг. XVI в.), после призвания Рюрика новгородцы «видѣвше Рюриково добродство и мужественое его остроуміе, и яко пророчествоваху, глаголюще къ себѣ: “разумѣйте, братіе, яко непремѣнно имамы быти подъ единомъ игомъ державно обладаеми отъ сего Рюрика и отъ роду его; и не токмо упразднится ими самовластіе наше, но и рабы имъ будемъ”».

В XVIII в. наступила эпоха «рационализации» предания. В первой редакции «Истории российской» В.Н. Татищев излагает его так: «И от тех варяг прозвася Руская земля Новгород; тии суть людие новгородстии словене издревле». Это известие было заимствовано историком, очевидно, из Радз., где читается текст, несколько отличающийся от Лавр.: «И о тѣх варягъ прозвася Рускаа земля, Новгород. Тии суть людие новгородци от рода варежска, преже бо бѣ [sic!]» [38, с. 16]. Копия Радз. была одним из основных источников В. Н. Татищева. Он мог сверить её оборванный в конце текст с также имевшимся в его распоряжении Алатырским списком Воскр., где упоминаются «словене». Как мы видим, смысл, который вложил в свой текст В.Н. Татищев, прямо противоречит мысли древних летописцев (по Татищеву, новгородцы происходят не от варягов, а как «положено», являются славянами) и оказывается результатом сознательного (и никак не оговорённого) редактирования — вполне ангажированного. В известной по второй редакции Иоакимовской летописи этот сюжет отсутствует.

Подытоживая, можно сказать, что как бы ни понималась эта фраза в XI в., во время расцвета Новгородской республики она могла восприниматься только как утверждение о варяжском происхождении «новгородских людей» в целом. Оно имело определённую

значимость для включавших его в летопись новгородских книжников. Значимо оно оказывалось и для ряда московских или промосковских книжников последующего времени, под пером которых эта фраза искажалась, переосмыслялась или вовсе опускалась.

В чём же заключалось содержание, на первый взгляд, странной идеи о происхождении новгородцев от варягов? Почему новгородцы, увидев её в древнем тексте, исправно переписывали её, то ли — невольно — изменив её первоначальный смысл, то ли решив её увековечить? И, наконец, что именно в ней не понравилось московским летописцам и книжникам?

Перед средневековыми политическими образованиями стояла проблема собственной легитимации. Если монархии, в принципе, не нуждались в специальном оправдании: в их пользу «работала» династическая легитимность, а «естественность» и богоустановленность монархического строя вытекала из общепринятого в Средневековье провиденциализма и подкреплялась ссылками на Св. Писание, сочинения «отцов церкви» и каноническое право, то республики нуждались в формировании более развёрнутой идеологии. Это, в частности, было очень характерно для Венеции, весьма деликатными проблемами которой были отсутствие преемственности с каким-либо античным политическим образованием и довольно позднее возникновение. Нетрудно заметить, что те же проблемы были и у древнерусских республик.

Как же Венеция выходила из этого положения? Там постепенно сложилась развитая республиканская идеология, которая выражалась с помощью церемоний, визуальных символов и конструирования исторических нарративов (нас в данном случае будет интересовать последнее). В целостном виде она сформировалась в XIII-XIV вв., т. е. лишь через сотни лет после обретения Венецией независимости, но её отдельные элементы возникли раньше.

Одним из них была троянская легенда — предание о происхождении венецианцев от жителей древней Трои. Эта легенда, несмотря на свой чисто мифологический характер, соответствовала чаяниям венецианской элиты. В приписывании себе троянского происхождения венецианцы в Средние века и Раннее Новое время не были одиноки. Только в самой Италии было не менее десяти городов с аналогичными притязаниями. Все эти легенды основывались в конечном счёте на «Энеиде» Вергилия и на средневековом старофранцузском «Романе о Трое» Бенуа де Сент-Мора. Сама по себе троянская легенда — как и легенда варяжская — не была изначально легендой республиканской, она отлично вписывалась и в монархический контекст, подчёркивая древность и благородное происхождение династии, а соответственно и того политического образования, которым

эта династия управляла. Так, известнейшим и, по-видимому, самым ранним вариантом её использования с этой целью были предания о происхождении от троянцев Меровингов.

Однако актуализация троянской легенды в средневековой и ренессансной Венеции была не случайной. В рамках её республиканской интерпретации акценты расставлялись несколько иначе. Троянцы рассматривались как люди, никогда никому не платившие дань и готовые жертвовать многим для сохранения свободы. Троянское родство обеспечивало древнее, престижное и благородное происхождение — в условиях туманности происхождения реального — уже не династии, а «политического народа» Венеции (*populus Venetie*). Как отмечает А. Кариле, в венецианском варианте троянской легенды проявлялось не только стремление к политической независимости. В ещё большей степени в нём содержались «антиимперские» мотивы, укреплявшие гражданское самосознание.

Троянская легенда на венецианской почве (так же как и варяжская на почве новгородской) формировалась постепенно. Благодаря относительно недавней работе бельгийского учёного Жака Пусе, тщательно собравшего упоминания о ней в средневековых венецианских хрониках, мы можем проследить этот процесс.

В древнейшей венецианской хронике дьякона Джованни (начало XI в.) троянской легенды нет. Впервые она, по-видимому, появляется в анонимном историческом сочинении, которое его исследователь и публикатор Р. Чесси назвал *Origine civitatum Italie seu Venetiarum* (XI–XII вв.). Там рассказывается о том, что после падения Трои часть её спасшихся жителей во главе с сыном царя Приама Антенором переселилась на западное побережье Адриатического моря и основала там город Аквилею. В другом варианте это приписывается герою Энею, находившегося во главе троянцев, пришедших из «древней и славной Трои». Они основали Аквилею и целый ряд других городов: Падую, Мантую, Верону, Модену, Пьяченцу, Парму и др. Их жители по имени Энея стали называться «энетами», т. е. венетами (в первом варианте Эней сразу отправляется в Лаций). Сама Венеция не упоминается, поскольку в римское время её не существовало, а столицей региона была Аквилея. Однако идея связи населения Адриатического побережья Италии с троянцами здесь уже присутствует.

Троянская тема — наряду с другими сюжетами, связанными с происхождением Венеции — оказывается в центре внимания венецианских хронистов XIII в.

В написанном во второй половине XIII в. на старофранцузском языке сочинении Мартина да Канале «Истории Венеции» (*Les Estoires de Venise*) фигурирует и собственно Венеция. После ухода из Трои спасшиеся троянцы (*li Troians*) заселили территории от Милана до Венгрии и построили там города, главным из которых была Аквилея. Однако когда во главе пятисоттысячного воинства туда вторгся Аттила, захватив эти земли и

разрушив Аквилею, а также другие города, построенные троянцами, знатные мужчины и женщины из этих городов (*la nobilité des homes et des femes des celes viles*) бежали к морю. На лагунае они основали новые города, а главным из них была Венеция, возникшая якобы в 421 г.

Полного развития троянская легенда достигает в так называемой «Хронике Марко» (конца XIII – начала XIV вв.). По мнению А. Кариле, в Хронике Марко отразился пространный и при этом более древний вариант предания об основании Венеции, который восходит к концу XII в. Он включал в себя и троянскую легенду. В сокращённой версии предание сохранилось в ряде позднейших хроник XIV в. Впрочем, сам исследователь отмечает, что это предположение носит во многом гипотетический характер. Принципиально важно в её повествовании то, что в нём троянское происхождение венецианцев чётко связывается с (якобы) изначальной свободой Венеции. Согласно Марко, троянцы приплыли именно туда, «где ныне построен город Венеция», обосновались там и принялись возводить себе дома. Это место привлекло их, прежде всего, тем, что «оно было свободно от чьей-либо власти» (*ab omni exemptus dominio*).

2.2.2

Загадочный социальный термин «шестники» в новгородско-псковских источниках XIII–XVI вв.

Социальный термин «шестник», хорошо известный из новгородских и псковских текстов XIII–XVI вв. — летописей, актов, писцовых книг и др., — загадочен как с исторической точки зрения, так и в плане этимологии. Его толкование вызвало затруднения уже у классиков отечественной лексикографии. И.И. Срезневский указывает для данного слова три контекстно обусловленных значения: ‘пеший воин’, ‘слуга княжеский’, ‘хожалый (?)’, а в двух случаях вовсе отказывается от перевода. У В.И. Даля слово встречается дважды, оба раза с пометой стар.: в статье шествовать, со значением ‘пришлец’, и в статье шесть (с оговоркой «от шествовать?»), где указаны другие значения: ‘служитель на княжем дворе; недельщик; дневальный, рассыльный, хожалый’, а также ‘пешеход, путник, ходок’. В исторической литературе значение термина также определялось по-разному: ‘лицо низшей судебной/княжеской администрации’, ‘боярский вооруженный слуга’, ‘крестьянин-издольщик, работающий из шестого снопа’ [18, с. 215; 21. с. 397].

Поиск значения, равно подходящего ко всем контекстам, в которых упоминаются «шестники», был продолжен выдающимся российским финно-угроведом Е. А. Хелимским. Отметив, что перевод ‘пришлый человек’ «имплицитно основан на предположении о словообразовательной и семантической связи слова шестник с

шествовати, шествие», исследователь высказал альтернативную гипотезу, основанную на ином понимании происхождения слова. Согласно Е. А. Хелимскому, «шестники» — это ‘кочевники’. Такой перевод исходит из предположения о том, что слово шестник образовано от шест как обозначения основного конструкционного элемента кочевого жилища (ср. шестовой чум); перевозимые в санях шесты представляют собой одну из характерных примет кочевых обозов на Севере. Ср. также шест стар. ‘тягло, дым, очаг, двор, семья’ (Даль). Таким образом, шестник оказывается близким или даже точным словообразовательным аналогом слова вежник, которое было ранее идентифицировано в текстах берестяных грамот в значении ‘кочевник’ и которое образовано от вежа (~вѣжа) ‘кочевое жилище, чум’».

В двух летописных контекстах «шестники» выступают, по мнению Е.А. Хелимского, в качестве набравшегося из кочевого или полукочевого населения «вспомогательного ополчения, участвовавшего вместе с княжеской дружиной и новгородцами в военных операциях». Таким образом трактуется, в частности, самое раннее упоминание «шестников» в сообщении Новгородской 1-й летописи под 1256 г. о походе Александра Невского на Емь:

... поиде с своими полкы князь и с новгородци; и бысть золь путь, акыже не видали ни дни, ни ночи, и многымъ шестникомъ бысть пагуба, а новгородцевъ богъ сблуде [25, с. 81, 309].

2.2.3

Кириллические памятники письменности средневекового Полоцка

Кириллическая письменность и рукописная книжность в Полоцке и Полоцкой земле имеют древнюю историю. Несомненно, она отражает сложившуюся еще в домонгольское время традицию единства древнерусской культуры. Еще В.И. Пичета отмечал, что «феодалная культура в северо-западной Руси была такой же, как и в северо-восточной и южной Руси» [28, с. 18]. Однако в отечественной историографии этот тезис детально разобран не был, хотя предпосылки для этого существовали.

Возможно, по примеру других правителей Руси князь Всеслав Брючиславич мог использовать полученные им в Киеве дары и добытые во время этого военного похода трофеи для завершения строительства Софийского собора в городе Полоцке — политико-экономическом центре своего княжения. По-видимому, такое важное в религиозной жизни Полоцкой земли событие было ознаменовано недавней организацией здесь самостоятельной епархии. Об этом можно предполагать в связи со схожим алгоритмом

действий в Южной Руси как, например, в Поросье. Здесь основание Юрьевской (Каневской) епархии совпадает с началом каменного строительства на ее территории.

На наш взгляд, в числе богатых трофеев, попавших в руки полочан, могли быть и рукописные книги [17, с. 320–321.]. На этот вывод наводит тот факт, что в 1069 г. новгородский летописец отметил как чудо обретение Владимирова креста в ограбленном до нитки соборе, «у святѣи Софие Новѣгородѣ, при епископѣ Федоре». Этот крест ранее был подарен Новгородскому Софийскому собору князем Владимиром Ярославичем. По-видимому, кто-то из софийских клирошан тайно успел спрятать эту реликвию во время захвата Новгорода войсками князя Всеслава Брючиславича. Таким образом, в отличие от всех других предметов церковной утвари, обихода и культа, хранившихся в Новгородском Софийском соборе, Владимиров крест избежал полоцкого плена [34, с. 17; л. 4 об.].

Какие же рукописи могли входить в состав первоначальной библиотеки Полоцкого Софийского собора?

Прежде всего, стоит отметить, что новгородские церкви располагали напрестольными Евангелиями. По мнению исследователей, они «скорее всего, копируют иллюстрации несохранившегося напрестольного Евангелия Софийского собора в Киеве». Один из его ранних списков находился в Софийском соборе Новгорода (Остромирово Евангелие 1056–1057 гг. По мнению Е.В. Ухановой, через 20 лет писец Остромирова Евангелия участвовал в Киеве в написании Изборника 1076 г., а другой — в Благовещенской церкви на Городище [41, р. 603]. Очевидно, что свой список с оригинала или список со списка такого Евангелия Софийского собора из Киева или более близкого Новгорода должен был иметь и Софийский собор в Полоцке. Судьба напрестольного Евангелия из главного храма князя Всеслава Брючиславича неясна.

К сожалению, многочисленные захваты города во время междоусобных войн во второй половине XI–XIII вв. самым негативным образом повлияли на первоначальный состав рукописей его библиотеки. Лишь росписи хоров Полоцкого Софийского собора, имеющих ветхозаветные образы, косвенно указывают на то, какие тексты могли слушать его прихожане. По-видимому, на слух они хорошо знали или сами читали ряд книг Ветхого Завета, а также известные к ним переводы на славянский язык толкования и комментарии. Данная ситуация была довольно типична для периода домонгольской Руси. Возможно, в первой половине XII в. ими стали такие популярные на Руси произведения философско-религиозной словесности как, например, сочинения Иоанна Дамаскина и «Шестоднев» Иоанна Пресвитера, экзарха Болгарского [3, с. 172–215].

В XII в. один из бояр, по-видимому, имевший возможность получить образование в Полоцке или в одном из его пригородов, будучи по делам службы в Киеве, не удержался и

на древнем фресковом изображении святого Онуфрия в Софийском соборе на память о себе оставил автограф: «Воинѣгъ п(и)с(а)ль Журагови/ць полоцанинѣ». Анализируя эту надпись, киевский археолог С.А. Высоцкий заметил, что она «сделана довольно неуверенно, писавший путал написание букв Н и И в имени Воинегъ» [4, с. 59].

Рубеж XI–XII в. стал временем нового этапа развития книжной письменности в Полоцке. От кратких кириллических записей, редкой переписки богослужебных и, несомненно, некоторых библейских книг в ней намечается переход к созданию оригинальных источников. Об одном из таких рукописных памятников — епархиальном синодике, ведшемся, очевидно, в Полоцком Софийском соборе, можно узнать из летописного рассказа. Он посвящен началу общерусского церковного поминания преподобного игумена Феодосия Печерского. В «Повести временных лет» отмечается, что в 1108 г. Феоктист, настоятель Киево-Печерского монастыря, «нача възвѣщати» киевскому князю Святополку Изяславичу, чтобы он приказал вписать имя преподобного в синодик. Князь поддержал эту инициативу и «повелѣ» это исполнить митрополиту Никифору I. Киевский архиерей, в свою очередь, приказал вписывать в синодики имя игумена Феодосия Печерского по всем епархиям на Руси. В ответ на это повеление русские епископы «с радостью вписаша» имя преподобного в синодики и начали «поминати» его «на всех(ъ) зборѣхъ» [32, стб. 283; л. 95 об.; 33, стб. 259–260; л. 97 об.]. В это время правящим полоцким архиереем был Мина (1105–1116). В первой трети XIII в. еще была жива память о том, что этот владыка был постриженником Киево-Печерского монастыря [9, с. 21–22]. В связи со сложившейся в 1108 г. ситуацией вряд ли можно сомневаться, что Мина, постриженник той же обители, что и игумен Феодосий, выполнил приказ митрополита Никифора I. В целом, внимание в Киево-Печерском монастыре к поминанию представителей своей монашеской братии, как показывает пример с Никоном Сухим, было хорошо развито в домонгольское время («Сий убо Никонъ “Сухий” зовется в поминании вашем» [9, с. 26]).

Известие «Повести временных лет» за 1108 г. уникально. Для сравнения стоит подчеркнуть, что в следующий раз синодик (субботник) Полоцкой епархии упоминается лишь 9 октября 1406 г. во вкладной грамоте, пожалованной в Витебский Богородицкий монастырь боярином Григорием Дружиловичем, т. е. спустя почти 300 лет! Этот источник неоднократно издавался, а синодик Софийского собора в Полоцке на 100 лет еще позже — в духовной грамоте киевского воеводы князя Дмитрия Ивановича Путятича-Друцкого († 1505) [46, с. 63–64]. К сожалению, тексты этих уникальных источников по истории средневековой Полоцкой земли не сохранились. Большой разрыв между первым (в 1108 г.) и последующими упоминаниями синодиков Софийского собора в Полоцке косвенно

указывает на то, что между ними вряд ли была возможна какая-либо текстологическая преемственность.

О составе записи помянника князей Друцких в синодике Полоцкого Софийского собора можно судить лишь по аналогичному тексту, дошедшему до наших дней в составе древнейшего списка синодика Киево-Печерского монастыря, который был возобновлен в обители после утраты в 1482 г. [5, с. 31] и его более поздним спискам и выпискам.

Изучая биографию преподобной Евфросинии Полоцкой, несомненно, можно говорить не только о многогранности ее таланта, но и судить о высокой степени образованности женщин, прежде всего, в княжеских и боярских семьях. Ярким примером тому на Руси были французская королева Анна Ярославна и ее родная племянница киевская княжна-инокиня Янька (Анна) Всеволодовна [16, с. 217–218]. Последняя хорошо известна своими связями в Византии. Согласно дискуссионному предположению В. Г. Васильевского, Янька Всеволодовна — это несостоявшаяся невеста Льва Диогена († 1088), старшего сына императора Романа IV Диогена (1068–1071) и императрицы Евдокии. Другие примеры женской грамотности хорошо известны по новгородским берестяным грамотам, а в редких случаях — и граффити [2, с. 45].

Прежде всего стоит подчеркнуть, что в письменных источниках случаев, когда русские незамужние княжны или вдовы княгини в домонгольское время постригались и уходили в монастырь, действительно, отмечено не так много. (Этим-то духовным подвигом и отличались от подавляющего большинства своих современниц преподобная Евфросиния Полоцкая и ее сестры!). На Руси наибольшее число примеров пострижения вдовых или разведенных княгинь по источникам прослеживается, начиная лишь с последней четверти XI в. [1, с. 107–108] Однако эти факты совершенно не отрицают того, что подобная практика имела место и ранее, хотя первоначально она, конечно, не была типичным явлением для повседневной жизни Рюриковичей. Ведь их число заметно выросло лишь к началу XII в.

Отметим, что во второй половине XI в. личными буллами пользовалась монахиня Мария (Янька) Всеволодовна, а в первой трети XIII в. — Агафья Мстиславна. Так, например, уже на ранней печати с греческой надписью (очевидно, относящейся к 1087–1090 гг.) княжны-монахини Яньки Всеволодовны, найденной в августе 2010 г. в море, в черте города Севастополя, отчетливо читается следующая надпись: «Господи, помоги своей рабе Анне Монахине» [11, с. 6]. Надпись на этой булле аналогична другому тексту, помещенному также на свинцовой печати. Она была найдена в 1993 г. в Новгороде в слое XI в. Эта печать имеет следующий текст: «Господи, помоги рабе своей Марии». Таким образом, ее владелицей могла быть Мария Константиновна (?) Мономах, жена киевского

великого князя Всеволода (Андрея) Ярославича, как осторожно предположил В.Л. Янин [44, с. 205–217]. В любом случае, очевидно, что легенды печатей жен русских князей или их дочерей до и после пострижения в монахини не сильно отличались друг от друга.

Жены и вдовы русских князей подобно знатым женщинам в Византии пользовались именными и анонимными печатями. Эта группа сохранившихся булл пока невелика, но ее численность, что неудивительно, благодаря археологическим находкам постепенно растет [23, с. 260–263].

В VI–XIII вв. процесс вовлеченности и влияния знатных женщин на письменную и отчасти книжную культуру более подробно можно наблюдать в Византийской империи, династическими союзами и культурными контактами с которой самым тесным образом были связаны полоцкие Изяславичи. Напомним, что именно из Византии на Русь пришла иконография княжеских печатей. По данным статистики на первые годы XXI в. из около 80 тысяч булл, найденных на территории бывшей Византийской империи и ее соседей [42, с. 51], лишь несколько сот принадлежат женщинам. Происхождение и статус этих лиц был достаточно высок. Среди них были женщины, связанные узами брака или родства с представителями знатных династий.

Благодаря надписям на буллах, можно установить, что женщины, владельцы этих печатей, происходили или состояли в семейных узах родства с такими известными в Византии аристократическими родами как Алопины, Ангелы, Аргиропулины, Вриении, Далассины, Дуки, Кантакузины, Комнины, Муселины, Палеологи, Синадины, Тарониты и многие другие.

Нередко в завещаниях родители оставляли своим замужним и незамужним дочерям значительное по размерам недвижимое имущество; также они становились обладателями имений, рабов и крупных сумм денег. От имени замужних женщин составлялись завещания. Во второй половине XI в. эту повседневную практику можно хорошо проследить на примере истории семьи Бакурианов, потомков армяно-грузинских князей. В иконографии булл, принадлежавших византийским аристократкам, чаще всего использовался образ Богородицы. Адресатами их корреспонденции были как родственники, так и управляющие их имений. Более того, в соседних с Византией и Русью государствах известна традиция использования не только печати, но также право женщин, правительниц государств, чеканки серебряных и медных монет. Так, например, в конце XII – первой половине XIII вв. в Грузии известны монеты с именами царя Георгия III (1156–1184) и его дочери — царицы Тамар (1184–1213), царицы Тамар и ее второго мужа царя Давида Сослана (ок. 1189–1207), царицы Тамар и ее сына и соправителя (монеты 1210 г.) царя Георгия IV Лаша (1213–1222); отдельно — царицы Тамар и ее дочери царицы

Русудан (май 1223–1245), а в Трапезундской империи — императрицы (1284/85) и грузинской царицы Феодоры Великой Комниной, старшей дочери императора Мануила I Великого Комнина (1238–1263) и его второй жены Русудан из Иверии (18 I 1223 – до 1253). Феодора (1284) была сестрой трапезундских императоров Андроника II Великого Комнина (1236–1266) и Иоанна II Великого Комнина (июнь 1280–1284, 1284/85 – 16 VIII 1297). Кроме того, весьма красноречивы монеты царя Георгия IV Лаша с легендами «царя Георгия, сына Тамары, повелителя джавахов» или, например, «царь царей, Георгий, сын Тамары, меч мессии» и его сестры царицы Русудан — «царица царей и цариц, величие мира, царства и религии, Русудан, дочь Тамары, поклонница мессии, да возвеличит Бог его победы» и «царица цариц, величие мира и религии, Русудан, дочь Тамары, поклонница мессии».

Стоит подчеркнуть, что именно через владения в Витебской земле князя Вячеслава Святославича, родного брата преподобной Евфросинии, проходил путь из Новгорода в Киев. В XII в. именно по этому пути предпочитали проезжать послы [1, с. 59–60]. Кстати, соседом князя Вячеслава на Витебщине был его младший брат князь Давыд Святославич. Он также поддерживал контакты с преподобной Евфросинией. В начале 70-х гг. XII в. князь Давыд Святославич сопровождал свою сестру в поездке из Полоцка в Иерусалим [27, с. 114–115].

Посвящение монастырского храма Спасу подтверждают писцовые материалы. Так, например, «Тетрадь рубежей» Полоцкого повета, составленная в 60-е гг. XVI в. отмечает следующее:

«А се волости и села Полоцкого повѣту за Двиною жъ р[екою], по книгамъ писма Оѡнася Хитрово да Ѳедора Безобразова:

Вол[оость] Селецкая, а въ ней с[е]л[ь]ц[о] на р. на Улѣ, что было за паньею за Анною, а въ немъ храмъ Преображеніе Спасово, а къ с[ельцу] 16 дер[евень]» [31, с. 442].

В середине XIV в. ренессанс грамотности в Полоцкой земле совпадает с эпохой самостоятельного правления в ней, принявших православие, литовских князей — Наримонта (Глеба) Гедиминовича (до 1.11.1338–1345; † 2.2.1348) и его племянника Андрея Ольгердовича (1348–1387, с перерывами; † 12.8.1399). С именем последнего связано пять сохранившихся полоцких актов, три из которых написаны на древнерусском (одно из них от имени его жены и сыновей), а два — на латинском языке [26, с. 77–80]. Последние два документа происходят из Недрицы. Они не были продуктом полоцкой канцелярии великого князя Андрея Ольгердовича. Эти латинские грамоты имеют точные

даты (9 и 11 октября 1385 г.). Они происходят из канцелярии магистра Ливонского Ордена Робина фон Эльца. Строго говоря, к числу памятников полоцкой письменности они не принадлежат. Правда, в отдельных местах текста этих документов явно чувствуется влияние устной речи полоцкого великого князя Андрея Ольгердовича (особенно, например, в его изложении истории об отцовском наследстве).

Древнерусские акты XIV в. — важный свидетель общих политических, культурных, письменных и правовых традиций, которые на протяжении нескольких веков существовали и поддерживались между различными регионами Северо-Западной и Северо-Восточной Руси. Так, например, еще в начале XX в. такой тонкий знаток древнерусских актов, как Н. П. Павлов-Сильванский, отмечал, что «жалованные грамоты князей полоцких и мстиславских XIV–XV вв. по изложению и терминологии наиболее близки к грамотам Северо-Восточной Руси, некоторые даже ближе к московским грамотам, чем грамоты князей рязанских. В них мы находим совершенно определенные постановления об освобождении от даней и пошлин, от суда и управления наместников и тиунов, а также о смесном суде» [35, с. 387].

2.2.4

Родство и родовые имена русской элиты

В целом ряде случаев принцип подбора монашеского имени по крестильному позволяет определить, какое именно из двух мирских христианских имен человек получал в крещении. Однако знание о том, какое из имен является крестильным, лишь усугубляет остроту общей проблемы — как и для чего христианину на Руси могло понадобиться еще одно христианское имя и как оно выбиралось.

Подступаясь к ее решению, следует отметить довольно мощную тенденцию, затрагивающую выбор мужских имен для представителей разных слоев древнерусского общества, кроме разве что тех, кто находился на нижних ступенях социальной иерархии. Тенденция эта заключается в календарной связности двух имен, даваемых одному и тому же человеку, связности, которую можно описать следующим образом — дни празднования тем святым, в память которых нарекается человек, редко отстоят друг от друга более чем на три недели, а как правило разделены заметно меньшим временным промежутком; при этом оба имени тем или иным образом соотнесены с датой появления нарекаемого на свет.

Легче всего, пожалуй, продемонстрировать эту тенденцию на наречении двумя христианскими именами некоторых представителей московского великокняжеского дома, так как сведения об их рождении и о связанных с ними антропонимических ситуациях наиболее детально представлены в источниках. Напомним еще раз, что царь Иван Грозный получил одно из своих имен в честь Иоанна Предтечи, а другое — в честь апостола Тита.

Известно при этом, что родился он 25 августа, в тот день, когда в числе прочих отмечается память апостола Тита, тогда как Усекновение главы Иоанна Предтечи приходится на 29 августа, т. е. на пятый день после рождения по древнерусскому счету, учитывающему первый день жизни ребенка как самостоятельную единицу.

У младшего сына Грозного, царевича Дмитрия, было еще одно имя, Уар. В качестве даты его появления на свет источники называют 19 октября. Именно на этот день приходится память св. Уара; память же Дмитрия Солунского отмечается, как известно, 26 октября, т. е. на восьмой день по рождении царевича.

Дед и тезка Ивана Грозного, Иван III, обладал еще одним именем — Тимофей. Он появился на свет 22 января, и его небесными покровителями стали апостол Тимофей и Иоанн Златоуст, память которых отмечается, соответственно, 22 и 27 января, т. е. память Иоанна Златоуста приходится на шестой день по отношению к памяти апостола Тимофея.

Дмитрий Внук, которого одно время прочили в наследники Ивану III (Грозному он приходился двоюродным братом, хотя между рождением одного и появлением на свет другого прошло немногим менее полувека), был еще и Евлампием. На свет он появился 10 октября 1483 г. [36, стлб. 215], когда церковь отмечает память Евлампия и Евлампии, мучеников Никомидийских, тогда как Дмитрием он стал по Дмитрию Солунскому, память которого празднуется 26 октября. Шестнадцатидневный промежуток отнюдь не казался нарекающим слишком протяженным — по-видимому, значительная часть октября и начало ноября были окрашены поминовением Дмитрия Солунского, одного из самых излюбленных княжеских и общерусских святых. В этом отношении весьма показательным свидетельством Тверской летописи, где сообщается, что этот сын Ивана Молодого и Елены Волошанки родился «о Дмитрієви дни» [7, с. 499] — очевидно, таким образом, что дата его появления на свет представлялась как нечто вполне укладывающееся в календарные окрестности этого праздника.

Наконец, Василий III, отец Ивана Грозного, был обладателем еще одного имени Гавриил. Рождение его по разным источникам приходится на 25 марта (Благовещение) или на 26 марта (Собор Архангела Гавриила), тогда как память Василия Парийского, еще одного патронального святого великого князя, приходится на 12 апреля и отстоит от даты, связанной с архангелом Гавриилом, на девятнадцать или двадцать дней.

2.2.5

Традиции семейного поминовения и культ личных патрональных святых

Христианская двуименность — явление столь интересное и непростое для исследования из-за того, что мы принципиально не в состоянии сформировать для нее некоторый закрытый корпус, составить исчерпывающий список всех ее обладателей (даже

если иметь в виду тех людей, которые непосредственно названы в средневековых памятниках). Мы уже имели возможность убедиться, что тот или иной человек может в целом ряде источников фигурировать под единственным именем, и лишь некий уникальный документ счастливым образом позволяет установить, что у него было и другое светское христианское имя. Можно только гадать, для какого количества носителей двуименности такой текст не обнаружился или попросту никогда не существовал, хотя на деле два имени у человека были. Очевидно также, что целый ряд не слишком примечательных исторических персонажей в одном источнике могут фигурировать под одним своим именем, а в других — под другим, и у нас отнюдь не всегда есть шансы для их надежного отождествления.

Сказанное можно продемонстрировать на большом массиве примеров. Как кажется, подобное положение дел ставит перед нами как минимум две взаимосвязанные задачи. Во-первых, целесообразно было бы наметить феноменологические границы христианской мирской двуименности, т. е. понять, насколько она распространена в разных частях социума в разное время и не следует ли говорить о ее универсальности. Во-вторых, имеет смысл определить, какие типы косвенных показаний источников дают нам основание заподозрить присутствие христианской двуименности там, где прямых свидетельств о ней нет. Начнем с этой второй — на первый взгляд, более частной — задачи.

Не вызывает сомнений, что двуименность на Руси XIV–XVII вв. — явление куда более распространенное, чем это может показаться, если принимать во внимание только те случаи, когда оба имени эксплицитно заявлены в конкретном источнике. С другой стороны, стремясь разглядеть имплицитное присутствие двуименности, приходится учитывать разную степень наших реконструктивных возможностей и ее зависимость от того, с чем именно мы сталкиваемся в тексте.

I) Самыми надежными представляются случаи, когда в нашем распоряжении есть четыре элемента: 1) мирское христианское человека; 2) несогласованное с ним иноческое имя; 3) дата его поминовения с указанием святого, чье имя хорошо соотносится с известным нам иноческим именем; 4) косвенные показания других источников, позволяющие более надежно связать реконструируемое имя с данным лицом.

II) Отсутствие последнего компонента, т. е. косвенных показаний источника, несколько понижает достоверность реконструкции, однако наличие трех существенных элементов — мирское имя + несогласованное иноческое имя + имя святого, на день которого предписывается поминание и которое очевидным образом перекликается с именем иноческим — позволяет считать ее достаточно достоверной.

III) Ступенью ниже располагаются те казусы, когда два первые компонента (мирское имя + несогласованное иноческое) явно присутствуют, третий же, связанный с днем поминовения, представлен лишь в виде «голой» даты, без каких-либо имен, а в месяцеслове под этой датой обнаруживаются имена святых, явно подходящие по созвучию к имени иноческому. Реконструкция подобного типа может быть несколько усилена дополнительными косвенными данными из других источников, но даже и в этом случае она остается более уязвимой чем та, где в явном виде представлены все три ономастических элемента.

IV) Отсутствие монашеского имени сразу и весьма существенно снижает уровень надежности воссоздаваемой ситуации двуименности. Если мы располагаем мирским христианским именем человека и несовпадающим с ним именем святого, на день которого его предписано помянуть, необходимы некие достаточно веские независимые свидетельства источников (специфические показания синодиков, формуляр и терминология конкретного памятника, особые пометы на полях рукописи, комментарий составителя текста, обстоятельства церковной жизни и т. п.), позволяющие предположить, что речь в данном случае идет о святом — тезке этого лица по второму имени. Чем больше такого рода косвенной информации, тем больше шансов, что приведенное имя святого и впрямь было еще одним мирским именем соответствующего лица.

V) Наконец, самую слабую с точки зрения интересующей нас проблемы категорию составляют те примеры, когда мы знаем одно мирское христианское имя человека и дату его поминовения, которая не связана ни с днем его кончины, ни с празднованием кому-либо из святых, кто был его тезкой по этому известному нам имени. В таких случаях двуименность мы можем лишь заподозрить, но никоим образом на ней не настаивать.

Таковы в самом общем и схематизированном виде основные модели реконструкции христианской двуименности, которые нам удалось выделить и которые представляются нам небесполезными для дальнейшего анализа ономастических фактов, во всяком случае если речь идет о материалах, относящихся к XV–XVII вв.

3 Описание динамической картины восприятия социальных институтов средневековой Руси с помощью концептов родства, свойства и возрастных параметров

3.1 Термины родства, политическая терминология и продвижение по социальной лестнице в XIV–XVII вв.

В 2001 г. белорусский исследователь А.И. Груша опубликовал жалованную грамоту подольского князя Фёдора Кориатовича его слуге Гриньку на замок («город») Соколец и тянущие к нему сёла и земли («Соколецкую волость») — древнейший документ Национального исторического архива Беларуси (НИАБ), сохранившийся в подлиннике [8, с. 123–135]. Грамота, не имеющая отношения к территории Беларуси, отложилась в фонде Минской гражданской палаты, поскольку в XIX в. была представлена Радзивиллами во время тяжбы с Лавришевским монастырём как доказательство того, что в древности подобные грамоты писались не на бумаге, а на пергамене. В 2018 г. грамота была издана вновь, на этот раз в сборнике пергаменных документов НИАБ [14, с. 22–24].

Обстоятельства появления и видоизменения рассматриваемой грамоты выясняются, если обратиться к политической истории Орды начала 90-х гг. XIV в. К этому времени хан Тохтамыш уже несколько лет вёл борьбу со своими противниками в Орде и своим бывшим покровителем, могущественным эмиром Тимуром — Тамерланом, или Темир-Аксаком, как называют его западноевропейские и русские источники. В конце 80-х гг. Тохтамыш совершил несколько походов на среднеазиатские владения Тимура. По словам персидского историка Хондемира, писавшего в первые десятилетия XVI в., Тимур рассматривал перспективы ответного похода уже в 1389 г., однако его «эмиры и нойоны» настояли на том, чтобы отложить поход, дабы сперва обезопасить тылы Мавераннахра от возможных нападений противников Тимура [20, л. 405 об.]. Кроме того, к походу нужно было как следует подготовиться. Осенью 1390 г. был начат сбор войска; одновременно Тимур позаботился о налаживании контактов с ордынской знатью [22, с. 14–17]. В январе 1391 г. Тимур после зимовки выступил из Ташкента в поход против Тохтамыша. В Орде о перспективах масштабного столкновения стало известно уже в конце 1390 – начале 1391 г.: после начала похода к Тимуру прибыло посольство Тохтамыша с просьбой о примирении, которую эмир отверг [21, с. 18–20, 43–44]. От языков, взятых в плен в начале июня 1391 г., после переправы через Яик, Тимур узнал о том, что Тохтамыш собрал войска с запада и востока своих владений и двинулся навстречу Тимуру [22, с. 25]. Сражение состоялась 18 июня 1391 г. на р. Кондурче (на территории современной Самарской области). В нём Тохтамыш потерпел сокрушительное поражение и бежал с поля боя, утратив власть над Ордой [37, с. 67–75].

Если о предстоящем столкновении с Тимуром знали в Орде, то о нём было известно и на Подолье (тем более что Тохтамыш, как уже было сказано, перед решающей битвой собрал войска в том числе и с западной части своих владений). Это объясняет, почему в грамоте Фёдора Кориатовича 1391 г. выплата дани «в Татары» обставлена всевозможными условиями. Разумеется, 20 июня 1391 г. в Смотриче, за две тысячи километров от места боя, ещё не знали, что двумя днями ранее Тохтамыш был наголову разбит. Чтобы эта весть достигла Подолья, нужно было не меньше десяти дней (а скорее всего, гораздо больше). Известно, что в Западной Европе гонец мог проделывать до 200 км в день, загоняя при этом коней. Автор «Летописца великих князей литовских» отметил, что «князь великы Витовтъ за одинъ день приженеть из Городна ко отцю своему Кестутию», когда тот в 1381 г. занял Вильну и обнаружил там договоры с Орденом, компрометирующие Ягайла [6, с. 62]. Расстояние между этими двумя городами по прямой составляет примерно 150 км. Очевидно, преодоление за один день такого расстояния, на которое обычно уходило четыре дня, было столь необычным, что Витовт счёл нужным упомянуть об этом в произведении, созданном под его диктовку спустя несколько десятилетий после описанных в нём событий. Этим и решил воспользоваться Фёдор Кориатович, попытавшийся присвоить татарскую дань.

Однако уже к лету 1392 г. Тохтамыш восстановил позиции в Орде: в это время Василий I с богатыми дарами отправился к Тохтамышу, от которого получил ярлык на Нижний Новгород [45, с. 123–128], а в дошедших до нас грамотах Фёдора Кориатовича вновь появляется условие выплаты подольской дани «в Татары», как и до 1391 г., без всяких оговорок — Аналогичные формулировки этой клаузулы в двух грамотах Фёдора Кориатовича 1392 г., которые сохранились независимо друг от друга в списке XVI в. и в польском переводе, означают, что впоследствии она не подвергалась правке, а значит, текст рассматриваемой грамоты 1391 г. был подправлен в краткий промежуток времени между датой её выдачи, 20 июня 1391 г., и весной–летом 1392 г. Татарский хан, вернувший себе контроль над территорией Орды, нуждался в деньгах для продолжения борьбы с Тимуром. Хотя к этому времени Фёдор Кориатович, по-видимому, оставался вассалом венгерского короля, а также по-прежнему поддерживал связи со своими родственниками Гедиминовичами и свояками Мушатами, ни на кого из них ему рассчитывать не приходилось: инициативу Сигизмунда Люксембургского в северо-восточном направлении после битвы на Косовом поле сковывали начатые боевые действия венгерских войск в Сербии и вторжения османов на территорию самого Венгерского королевства [44, с. 555–577]. За указание этой статьи искренне благодарю Н.Н. Наумова. В польско-молдавских отношениях инициатива принадлежала скорее польской стороне [48, с. 50–57], но король

Владислав Ягайло и его литовские братья как раз в 1390–1392 гг. были заняты попытками урегулировать ситуацию на землях Великого княжества Литовского и войной с Витовтом и Тевтонским орденом. В результате попытка Фёдора Кориатовича присвоить татарскую дань окончилась неудачей. Вскоре после этого, в конце 1394 г., сам он был изгнан с Подолья [15, с. 155–176], однако ордынский фактор, как было показано выше, сохранил своё значение в жизни этого региона.

Всё это позволяет сузить датировку правок в грамоте Фёдора Кориатовича до нескольких месяцев — примерно с июля–сентября 1391 г. до весны 1392 г., скорее ближе к *terminus post quem*. Как бы то ни было, правки были внесены очень быстро после выдачи грамоты и очень поспешно. Этот пример показывает, сколь чутко и быстро князья Южной Руси могли реагировать на события в Орде, стремясь усилить свои позиции за счёт её ослабления.

3.2 Поручная грамота за Жедивида и события 1392–1393 гг. в Великом княжестве Литовском

В Библиотеке князей Чарторыйских в Кракове сохранилась кириллическая поручная грамота четырёх литовско-русских князей перед Владиславом Ягайлом «по Жедивиде». В подлиннике содержится чтение «Жедивуду», но оно явно ошибочно: во-первых, имя того же лица сохранилось в памяти его потомков в форме Жедивид, что отразилось в летописях XVI в., а во-вторых, корень *-vud-* очень часто встречается в литовских двукорневых именах. Наконец, обращают на себя внимание ошибки, допущенные писцом: «корололя» вместо «короля» и «Буконтович» вместо «Бутовтович» (последнее, вероятно, по аналогии с другими литовскими именами, содержащими корень *-kont-* или *-kant-*). Поэтому здесь и далее употребляется форма имени Жедивид. В этом документе многое необычно. Во-первых, бросается в глаза его чрезвычайная лапидарность: текст занимает всего две с половиной строки, отсутствуют многие элементы формуляра, характерные для подобных грамот того времени. Это отметили уже работники Краковского коронного архива в раннее Новое время, завершившие одну из дорсальных записей о содержании грамоты словом «*breviter*», т. е. «кратко». Во-вторых, необычен состав персоналий, упоминаемых в грамоте: четверо литовско-русских князей, далеко не самых влиятельных и близких к королевскому двору, поручаются за князя, который более не упоминается в современных источниках, причём поручаются перед польским королём, а не перед кем-либо из князей, княживших в конце XIV в. в Литве, — Скиргайлом или Витовтом. Последний факт важен для понимания положения земель Великого княжества Литовского после Кревской унии. Грамота была введена в научный

оборот относительно недавно, при этом её текст был неправильно прочитан, и в историографии её содержание до сих пор не получило адекватного объяснения.

Жедивид, за которого поручились четверо литовско-русских князей, не имел никакого отношения к Фёдору Весне. Он был сыном князя по имени Фёдор — либо брата Гедимины, либо Фёдора Мирклия, либо какого-то ещё менее значительного титулованного носителя этого имени, причём место, занимаемое Жедивидом, было довольно скромным. Грамота была написана в промежутке между второй половиной августа 1392 г. и октябрём 1393 г. (возможно, летом – осенью 1393 г.). Связать её с каким-либо конкретным событием не представляется возможным. С большой долей гипотетичности её можно увязывать с попытками Витовта расширить свою власть в Литве после Островского соглашения. Конфликтую с королевскими братьями, он всячески выказывал верность Ягайлу: так, и Корибут, и Свидригайло, взбунтовавшись и потерпев поражение, были отправлены Витовтом к Ягайлу. Тем самым он демонстрировал польскому королю, что выступления его братьев направлены не только против Витовта, но и против самого Ягайла. Это заставляло Ягайла санкционировать действия Витовта, которые объективно разрушали систему княжеств, сформированную польским королём на землях ВКЛ. Не исключено, что и в данном случае произошло нечто похожее: Жедивид был отправлен к Ягайлу, но ему достаточно легко удалось освободиться от обвинений. Поскольку Ягайло не видел для себя серьёзной угрозы со стороны Жедивида, то хватило поручительства четверых князей, оказавшихся в тот момент при польском короле, а условия этого акта даже не были записаны на пергамене, оставшись в сфере устного слова. Впрочем, необходимо помнить, что источники по просопографии знати Великого княжества Литовского остаются «своеобразными краткими вспышками в царстве тьмы» даже для XV в., которое освещено ими гораздо лучше, чем первые годы существования польско-литовской унии, когда действовал князь Жедивид.

[1392 г. август — 1393 г. октябрь. Краков (?)]. — Князя Ольгимонт, Иван Городецкий, Глеб Дмитриевич и [краковский] кустош кн. Ян Бутовтович поручаются за кн. Жедивида, Ходорова сына, перед королём [польским Владиславом II Ягайлом]

Се поручилис(а)* оу великого* корола* по Жедивуду*, княз(а) Ходоро|ве с(ы)ну*, княз(ь)* СѠлгимонтъ, княз(ь)* Иванъ Городецкии*, княз(ь)* Глебъ Дми|треевич*, княз(ь) Анъ* Буконтович* кустошь.

3.3 Ганзейский документ 1425 г. и проблема новгородских «старых посадников»

«Старые посадники» были, очевидно, именно бывшими посадниками, возникновение этого термина именно в первой половине XV в., как было верно подмечено В.Л. Яниным, является свидетельством определённой эволюции республиканского политического строя, эволюции в направлении его большей «олигархизации». Об этом говорит уже само оформление «старых посадников» в качестве категории элиты, состоящей из бывших магистратов, которые после пребывания в должности из этой элиты не выпадают. В этом смысле формирование категории «старых посадников» можно сопоставить с происходившим примерно в это же время складыванием новгородского правительственного совета — «господы», известного нам только по ганзейским источникам под названием *de heren*.

Рассмотренный нами ганзейский документ показывает, как конкретно мог выглядеть этот процесс. Если наше предположение верно, то на примере клана Фомичей мы видим подтверждение одной из главных концепций В.Л. Янина — о становлении берущей реальную власть в свои руки боярской родовой аристократии. Ведение международных переговоров в усадьбе «старейшего (бывшего) посадника», являющегося отцом нынешнего, — ярчайшее подтверждение этого.

Имеют значение эти выводы и для истории Пскова, где также в XV – начале XVI вв. были «старые посадники», относительно которых также в историографии идёт дискуссия, причём высказаны те же гипотезы, что и применительно к Новгороду [47, с. 47–49].

3.4 Терминология междинастических связей позднего Средневековья: послания великого князя московского Василия III французскому королю Франциску I

Послания великого князя московского Василия III (1505–1533) французскому королю Франциску I (1515–1547) — наиболее ранние известные (и, по всей видимости, когда-либо существовавшие) послания российского правителя «христианнейшему монарху» — возникли в результате сближения России с Тевтонским орденом в начале XVI в. И Россия, и Орден, верховным (великим) магистром которого в 1511 г. стал Альбрехт Бранденбургский, находились в конфликте с Польским королевством и Великим княжеством Литовским, престолы которых с 1506–1507 гг. занимал Сигизмунд Старый. Россия вела с Великим княжеством Литовским войны за принадлежавшие ему земли Руси (наиболее впечатляющим успехом для Василия III стало падение Смоленска в 1514 г.), Альбрехт же стремился пересмотреть условия Торнского (Торуньского) мирного договора 1466 г., предусматривавшие вассальную зависимость от польского короля. Сближение

России и Ордена активизировалось после того, как император Максимилиан I предпочёл антиягеллонскому союзу с Василием III, заключённому в 1514 г., сближение с Ягеллонами и посредничество между Василием и Сигизмундом Старым (Венский конгресс 1515 г.).

Московские дипломаты, направлявшиеся в Европу, периодически получали задание выяснить отношение Максимилиана I к французскому королю Франциску I [47, s. 306, 317]. Но наладить прямые контакты с ним Василию III предложил советник верховного магистра Альбрехта Бранденбургского Дитрих фон Шёнберг, отправленный в Москву в марте 1518 г. с целью призвать «царя всея Руси» начать боевые действия против Сигизмунда Старого во исполнение недавно заключённого союзного договора (1517) или выплатить обещанные ранее деньги, предназначенные для вербовки наёмников Орденом. Василий III через своих советников настойчиво интересовался, когда Альбрехт откроет военные действия против Сигизмунда Старого, и изъявлял готовность выплатить деньги, как только это произойдёт. По словам Шёнберга, стоило немного подождать, пока магистр установит контакты с французским королём — противником императора, пошедшего на сближение с Сигизмундом (как раз в это время Иоахим I Бранденбургский, брат Альбрехта, вёл переговоры с Франциском I о бранденбургско-французском династическом браке [47, s. 316]). В этой обстановке Дитрих фон Шёнберг и предложил Василию III, чья слава «по всей разыдесь Вселеннѣй», отправить послание Франциску I. Это предложение было принято [39, с. 49, 53].

Содержание письма было конкретизировано в ответе великокняжеских советников («ответной комиссии», по терминологии, принятой М. Зах вслед за Н. М. Рогожиным) орденскому послу: «А каковѣ отъ насъ къ галлейскому королю нашей грамотѣ пригожѣ быти, и мы ту грамоту велимъ написати да тебѣ явити, да ту грамоту тебѣ дадимъ, и ты ту нашу грамоту везеши к магистру, а магистръ ее отошлетъ хъ королю галлейскому» [39, с. 53]. Латинские черновики с многочисленными правками, отражающими редактирование текста (в частности, вариант объектной части титула «rex Francie» был отвергнут в пользу другого, впоследствии взятого на вооружение — «rex Gallorum»), показывают, что Шёнберг во всяком случае пытался поучаствовать в процессе выработки текста послания. Между тем окончательный латинский текст послания представляет собой дословный перевод русского. На это указывает, среди прочего, и один из элементов объектной части великокняжеского титула, оставленный в форме прилагательного («Smolensky») в длинном ряду географических названий в родительном падеже. Текст этот разительным образом отличается от черновиков Шёнберга — не только формулировками, но и расстановкой акцентов. Так, вместо первоначального заявления, что Василий узнал о намерении Альбрехта просить французского короля о помощи против Сигизмунда, теперь говорится,

что Альбрехт прислал к Василию с просьбой сообщить французскому королю о его помощи против Сигизмунда. Постоянно подчёркивается, что помощь Альбрехту против польского короля — это «пожалование» (со стороны как Василия, так и — в перспективе — Франциска, который, впрочем, нигде не назван по имени). Более прямолинейно сформулирована просьба помочь Альбрехту. Опущены заключительные благопожелания, а также указание на то, что дополнительные подробности сообщит Франциску великокняжеский посол. В целом можно сказать, что текст лишился изящества латинской учёности и получил более прямолинейный характер. Таким образом, окончательный текст послания Франциску I был выработан русской стороной и лишь затем переведён на латынь — переведён, стоит отметить, грамотно и со знанием дела, но с сохранением таких особенностей, которые не были близки людям латинской культуры (таких как датировка от Сотворения Мира).

3.5 Должностное и семейно-родовое: Лугвень, Новгород и восточная политика Витовта (1411–1414) в свете малоизвестных источников Кёнигсбергского архива

Историкам Великого княжества Литовского (далее — ВКЛ) хорошо известно, сколь важны для изучения его истории сведения должностной переписки сановников Тевтонского ордена. В условиях напряжённых отношений с ВКЛ, Польшей, русскими землями, когда информации о них — в особенности достоверной — постоянно не хватало, власти Ордена тщательно отслеживали происходящее у ближайших соседей и немедленно сообщали об этом его руководству. Бóльшая часть этой переписки сохранилась в архиве великих магистров, который в 1722–1944 гг. хранился в Кёнигсберге, а сейчас входит в состав Секретного государственного архива Прусского культурного наследия в Берлине. Его материалы начали вводиться в научный оборот уже в XIX в. — сначала в виде кратких пересказов (в трудах Йоханнеса Фойгта, Игнатия Даниловича и других учёных), а затем и в составе тематических публикаций. В результате к настоящему времени наиболее полно опубликованы материалы, посвящённые истории Ливонии до начала XVI в., представительству Ордена при папской курии, а также ВКЛ и его соседям в эпоху Витовта. Объёмистый «Кодекс писем Витовта», изданный польским архивистом Антонием Прохаской, до сих пор сохраняет основополагающее научное значение. Однако уже вскоре после его публикации выяснилось, что он требует многочисленных поправок и дополнений. Решение этой задачи всё ещё остаётся делом будущего. Наша работа призвана восполнить этот пробел в том, что касается деятельности мстиславского князя Семёна-Лугвеня Ольгердовича и его взаимоотношений с Великим Новгородом.

3.6 Происхождение, родственные связи и статус землевладельцев межкультурного пограничья: русские помещики Полоцкого повета во время Ливонской войны

Вопрос о русском поместном землевладении в прифронтовых землях периода Ливонской войны давно привлекает внимание исследователей. Установлено, что в Ливонии в силу разных военных и политических обстоятельств была определенного рода текучесть и неустойчивость таких владений в ряде новообразованных уездов Русского государства. Большую роль как в первоначальном присоединении, так и в испомещении на новоприобретенных землях сыграли военно-служилые люди, первоначально проживавшие преимущественно в северо-западных уездах страны [40, с. 161–205].

Создание новых уездов с русским поместным землевладением коснулось не только отдельных областей («присяг») Ливонии, но и территории Великого княжества Литовского (далее — ВКЛ). В связи с этим наиболее полно сохранились документы, которые характеризуют царскую политику и персональный состав помещиков. В конце 1569–1571 гг. они получили новые владения на территории девяти волостей Полоцкого повета (Дриссенской, Межевской, Невердовской Кубок, Неведринской, Непоротовской, Нещерды, Нищенской, Покровской и Турунтовой) и двух волостей Витебского повета (Озерище и Усвят) [13]. В отличие от большинства других новоприсоединенных территорий, утверждение власти русского царя в Полоцком повете характеризовалось не только обновлением местной военно-служилой корпорации, но и целенаправленным строительством здесь дополнительных городов-крепостей. Эту политику Ивана IV Васильевича Грозного хорошо иллюстрирует единственная из его сохранившихся духовных грамот, окончательный текст который относится к маю 1579 г. В ней царь вспоминал: «А что, по божией воли, взял есми у брата своего Жигимонта Августа короля свою вотчину город Поло[т]ск, и аз городом Полоцком, с волостми с Полоцкими, и с селы, и с тамгами, и весы, и со всеми угоды, и со всем Полоцким уездом, что было изстари к городу Полоцку, и аз тем городом Полоцком со всем благословляю сына своего Ивана. А что есми, с божиею помощию, поставил города в Полоцком повете, город Сокол на реке на Дрыси, да город Копье, и аз теми города благословляю сына же своего Ивана, со всеми волостьми, что к тем городам потянет. А что есми, за божиею помощию, взял у брата своего, Жигимонта Августа короля, город Озерище, да к Озерищу волость Усвят, и аз в Усвятской волости поставил город Усвят, и аз городом Озерищем и городом Усвятю со всеми их волостми, и уезды, и селы, и с угоды, благословляю сына же своего Ивана, со всем с тем, как было к тем городам изстари, а держит сын мой Иван то все по перемирным грамотам с Жигимонтом Августом королем» [10, с. 440; л. 32–32 об.].

4 Местничество, генеалогическая традиция и персональный патронат святых как инструмент властного и имущественного структурирования общества; Средневековые на пороге Нового времени

Можно установить, что летом 1456 г. Станищевы не только не бежали вместе с князем Иваном Васильевичем на территорию ВКЛ, но и, скорее всего, находились в Москве. Возможно, поэтому удельный князь Василий Ярославич не чувствовал здесь для себя какой-либо угрозы. Более того, становится ясно, что зимой 1461–1462 гг. представители рода Станищевых вряд ли могли иметь какое-либо отношение к организации и участию в заговоре Владимира Давыдовича Красного, хотя его благородной целью было освобождение из заключения в Угличе бывшего удельного князя Василия Ярославича.

Последний вывод подтверждается тем фактом, что все сыновья наместника Московской трети З.А. Станищева — Иван, Василий Дятел и Прокофий (Прокопий) Скурат, несмотря на службу своих ближайших предков в уделах, смогли сделать хорошие карьеры при дворе московского великого князя Ивана III Васильевича. При этом их младшие двоюродные братья — Даниил, Дмитрий и Василий Лазаревичи – первоначально подвизались на службе в уделе дмитровского князя Юрия Васильевича; и лишь после его смерти 12 сентября 1471 г. они перешли на службу в Москву. В 1477–1478 гг. присоединение Великого Новгорода к Русскому государству открывает новую страницу в истории отношений с ним потомков бояр Станищевых.

4.1 Имена собственные и древнерусские представления о своеобразной родственной иерархии городских центров: возможный источник «Списка городов русских дальних и ближних»

Одной из недостаточно изученных проблем по истории средневековой Руси является судьба городов Среднего Поднепровья в годы монгольского нашествия (1239–1242), становления и существования здесь ордынского ига (середина XIII–XV вв.). По этой тематике сохранилось крайне мало письменных источников. Археологический материал времен ордынского ига еще нуждается в накоплении, а датировки — в уточнении с учетом региональных особенностей развития материальной культуры населения в разных областях страны.

Определенную специфику Среднего Поднепровья в период окончательно сформировавшейся политической раздробленности Руси хорошо осознавали современники, в том числе и иноземцы. Так, напр., еще в середине XII в. ал-Идриси, суммируя собственные впечатления и наблюдения с описаниями Руси своих исламских

предшественников, совершенно сознательно «по отдельности описывает города Юго-Западной Руси, города Поднепровья, город Новгород, северные русские земли...».

Деление Руси по регионам имеет и более поздний, чем сочинение ал-Идриси Список «А се имена всѣм градом Рускым, далним и ближним». Он давно привлекает внимание исследователей как памятник средневековой географической мысли, а также как источник, который отражает политические и территориально-административные изменения, произошедшие в Среднем Поднепровье в середине XIII – конце XIV в. Большинство исследователей, основываясь на ряде указаний текста Списка, считает, что этот источник возник в период управления Русской митрополией святителем Киприаном (1377–1406). Место создания и цель составления Списка до сих пор остаются дискуссионными. Предполагается, что этот источник могли написать в Киеве, Смоленске, Новгородской земле и др. местах, а позднее редактировался вплоть до конца первой четверти XV в. Его заказчиками могли быть новгородские торговые круги или, например, гости-сурожане.

5 Петр I как крестный отец своих подданных: древнерусские традиции и имперские инновации

Историкам петровского времени известно, что у сыновей Александра Даниловича Меншикова, крестным отцом которых стал не кто иной, как сам царь Петр, было по два имени. Старший из них, первенец князя, получил при рождении имена Петр и Лука, тогда как его младший брат, родившийся двумя годами позднее, стал Павлом и Самсоном. Однако оба умерли совсем маленькими детьми, и то обстоятельство, что каждый из них обладал двумя христианскими именами одновременно, широкого внимания исследователей не привлекало. Между тем, этот факт способен, как кажется, расширить наши представления как о церковной повседневности Нового времени, так и о русской антропонимической традиции в целом.

В XIX в. феномен светской христианской двуименности оказывается забыт даже исследователями русского Средневековья, и обнаружив у того или иного лица второе мирское имя, они зачастую объявляют его именем иноческим, даже если о монашеском постриге нет решительно никаких сведений. Массовое же сознание порой начинает усматривать во все более раритетных казусах светской христианской двуименности намеренную перемену имени, хитрость, призванную что-то утаить или вытащить на свет Божий нечто, не существующее в действительности. Культурную забывчивость такого рода Гоголь, по всей вероятности, обыгрывает в «Ревизоре», в той сцене, что вынесена нами в эпиграф — купцы твердо убеждены, что городничий из особой корысти приписывает себе небывалое двойное именование. Зрителю же так и не суждено узнать наверняка, правы ли они, или злополучный Сквозник-Дмухановский и в самом деле был обладателем двух христианских имен, Антон и Онуфрий, что вовсе не невозможно в эту эпоху.

Классическая календарная двуименность со временем все чаще смешивается с практикой наделения домашними именами, семейными прозваниями и — с другой стороны, с традицией псевдонимов и самых разных моделей перемены имени, связанных с приобщением к другой этнической, конфессиональной или социо-культурной среде. Известно, например, что под двумя именами фигурировала жена поэта Н.А. Некрасова, Фекла Анисимовна, которая значительную часть жизни именовалась Зинаидой Николаевной, однако что в точности стояло за этим именованием, еще требует дальнейшего исследования.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

На промежуточном этапе исследования удалось ввести в научный оборот целый ряд прежде не переводившихся и/или не публиковавшихся средневековых текстов разных размеров и жанров, от граффити в новгородских церквях и писцовых маргиналий до пространных генеалогических сочинений, междинастической переписки и папских посланий. Во всех этих текстах проанализирована и суммирована социально-политическая прагматика терминов родства и свойства (родства по браку, а не по крови). Выявлены три основных этапа культурно-семантической эволюции соответствующей лексики, один из которых охватывает конец X – начало XIII в., другой, связан с появлением разных властных систем и подсистем на территории Руси в середине XIII–XV вв. (Московская Русь, Великое княжество Литовское, Северо-Западные земли), и, наконец, третий определяется запечатлением в терминах родства пути от великого княжества к империи, проделанном на протяжении XVI – первой половины XVIII в.

- выявлены общие закономерности в сочетании церковных норм и политических задач в картине междинастических браков и доказан системный характер брачной стратегии правящего рода в средневековой Руси;
- продолжено создание корпуса всех случаев употребления родовой лексики в социально-политической функции на материале древнерусских историографических, актовых и эпиграфических источников;
- определены механизмы терминологической экстраполяции семейных отношений внутри правящего рода на политические в масштабах всей средневековой Руси;
- предложена концепция частичного вытеснения родовой терминологии из сферы власти в сферу имущественных отношений в период позднего Средневековья.

Так, в первом разделе подробно рассмотрена история целой серии близкородственных браков, недопустимых с церковной точки зрения, но вызванных к жизни политическими потребностями династии. Редкие для династической практики домонгольского времени случаи отступления от предписаний церкви, позволяют проанализировать всю структуру династических браков в эту эпоху. Демонстрируется, каким образом родство через женщин создает дополнительные, но не менее важные, чем кровно-родственные связи, системы иерархии власти, военных и экономических союзов.

Во втором разделе особый акцент сделан на исследовании генеалогических легенд позднего Средневековья как средства легитимизации власти правителя на Руси и в Западной Европе. Существенное внимание уделено также возникновению этикетных функций у терминологии родства в международных отношениях. Прямое значение

родственной лексики оказывается особенно актуальным в формировании отношений внутри ремесленных групп эпохи Средневековья, к числу которых принадлежали, в частности, переписчики, переводчики и составители сводов, запечатлевшие эту терминологию в своих текстах.

В третьем разделе собрана целая коллекция впервые опубликованных или заново интерпретированных русско-ганзейских документов. Кроме того, продемонстрирован статус генеалогического текста как одного из главных средств, устанавливающих преемственность в эпоху смены династии, изменения культурной ориентации и конфессиональных изменений на западных границах Руси.

Четвертый раздел связан с проблемой сохранности культурных моделей Средневековья в Новое время. Показано, в частности, что символика терминов родства, родства духовного и небесного патроната, в значительной степени сохраняясь как понятный подданным язык власти, переосмысливается в духе новой имперской идеологии.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Анталогія даўняй беларускай літаратуры: XI – першая палова XVIII ст. [текст] / Падрыхт. А. І. Богдан і [інш.]; навук. рэд. В. А. Чамярыцкі. 2-е выд., выпр. — Мінск : Беларус. Навука, 2005. — 1014, [1] с.
2. Артамонов, Ю. А., Гиппиус, А. А. Древнерусские надписи Софии Константинопольской [текст] / А. Ю. Артамонов, А. Ю. Гиппиус // Славянский альманах, 2011. — М., 2012. — С. 41–52.
3. Баранкова, Г. С. К текстологическому и лингвистическому изучению «Шестоднева» Иоанна экзарха Болгарского [текст] / Г. С. Баранкова // Восточнославянские языки. Источники для их изучения. — М., 1973. — С. 172–215.
4. Высоцкий, С. А. Древнерусские надписи Софии Киевской. XI–XIV вв. [текст] / С. А. Высоцкий. — Киев : Наукова думка, 1966. — Вып. 1. — № 22. — 239 с.: ил.
5. Голубев, С. Т. Древний помянник Киево-Печерской лавры (конца XV и начала XVI ст.) [текст] / С. Т. Голубев // Чтения в историческом обществе Нестора летописца. — 1892. — Кн. 6. — Отд. 3: Материалы. — С. I–XIV, 1–88.
6. Горский, А. А. Москва и Орда [текст] / А. А. Горский. — Москва : Наука, 2003. — 216 с.
7. Груша, А. І. Невядомая грамата Фёдара Карыятавіча за 1391 г. / А. І. Груша // Беларускі гістарычны агляд. — 2001. — Т. 8. — Сш. 1–2 (14–15). — С. 123–135.
8. «Для лепшое твердости...» : пергаментныя дакументы перыяду Вялікага Княства Літоўскага з фондаў Нацыянальнага гістарычнага архіва Беларусі (1391–1566 гг.) / Уклад. Я. С. Глінскі, А. А. Жлутка, Д. В. Лісейчыкаў. — Мінск : Беларусь, 2018. — 143 с.
9. Древнерусские патерики: Киево-Печерский патерик. Волоколамский патерик [текст] / Изд. подг.: Л. А. Ольшевская и С. Н. Травников; отв. ред. А. С. Демин. — Москва : Наука, 1999. — 496 с.
10. Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV–XVI вв. [текст] / Подг. к печати Л. В. Черепнин; отв. ред. С. В. Бахрушин. — Москва. — Ленинград : Издательство АН СССР, 1950. — 585 с.
11. Жуков, И. Княжеский знак на уникальной вислой печати Новгород-Северского князя Олега (Михаила) Святославича (1097–1115 гг.) [текст] / И. Жуков // Нумізматика і фалеристика. — 2012. — № 1 (61). — С. 38–39.

12. Зотов, Р. В. О черниговских князьях по Любецкому синодику и о Черниговском княжестве в татарское время [текст] / Р. В. Зотов. — СПб. : Тип. братьев Пантелеевых, 1892. — 379 с.
13. Иван Грозный – завоеватель Полоцка (Новые документы по истории Ливонской войны) [текст] / Сост., подг. к публ., вступ. ст. В. Ю. Ермак; описание ркп. К. Ю. Ерусалимский; науч. и отв. ред. А. И. Филюшкин. — СПб. : Дмитрий Буланин, 2014. — 484 с.
14. Институт восточных рукописей РАН. — Архив востоковедов. — Ф. 52. — Оп. 1. — № 14. — Л. 405 об.
15. Кафенгауз, Б. Б. Древний Псков. Очерки по истории феодальной республики [текст] / Б. Б. Кафенгауз. — Москва : Наука, 1969. — 136 с.
16. Кулинич, Д. Д. Анна Ярославна, королева Франции [текст] / Д. Д. Кулинич // Вопросы истории. — 1967. — № 2. — С. 217–218.
17. Кузьмин, А. В. Судьба полоцких памятников письменности в XI–XIV вв. (факты и гипотезы) [текст] / А. В. Кузьмин // Румянцевские чтения – 2012: Материалы Всероссийской научной конференции / Сост. Е. А. Иванова: В 2-х ч. — М., 2012. — Ч. 1. — С. 320–321.
18. Литвина, А. Ф. «Сватъством обуюемшеся»: Дозволенное и недозволенное свойство в княжеских браках 40 – 60-х годов XII в. <часть 1-я> [текст] / А. Ф. Литвина, Ф. Б. Успенский // Древняя Русь: Вопросы медиевистики. — 2012. — № 2 (52). — С. 25–36.
19. Литвина, А. Ф.; Успенский, Б. Ф. Внутридинастические браки между троюродными братьями и сестрами в домонгольской Руси [текст] / А. Ф. Литвина; Б. Ф. Успенский // Древняя Русь: Вопросы медиевистики. — 2012. — № 3 (49). — С. 45–68.
20. Миргалеев, И. М. Войны Токтамыш-хана [текст] / И. М. Миргалеев. — Казань : Институт истории АН РТ, 2003. — 88 с.
21. Миргалеев, И. М. Материалы по истории войн Золотой Орды [текст] / И. М. Миргалеев. — Казань : Институт истории АН РТ, 2007. — 108 с.
22. Миргалеев, И. М. Политическая история Золотой Орды [текст] / И. М. Миргалеев. — Казань : Алма-Лит, 2003. — 164 с.

23. Молчанов, А. А. Печать древнерусской княгини XIII в. из Житомира [текст] / А. А. Молчанов // Советская археология. — 1984. — № 1. — С. 260–263.
24. Назаренко, А. В. Древняя Русь и славяне [текст] / А. В. Назаренко. — М. : Университет Дмитрия Пожарского, 2009. — 528 с.
25. Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов [текст] / ред. А. Н. Насонов. — М. — Л. : Изд-во Акад. Наук СССР, 1950. — 642 с.
26. Павлов-Сильванский, Н. П. Феодализм в России [текст] / Н. П. Павлов-Сильванский. — М. : Наука, 1988. — 698 с.
27. Писцовые книги Московского государства: Писцовые книги XVI в. [текст] / Под. ред. Н. В. Калачова. — СПб. : Типография Второго отделения Собственной его императорского величества канцелярии, 1877. — Ч. 1. — Отд. 2. — 1596 с.
28. Пичета, В. И. Образование белорусского народа [текст] / В. И. Пичета // Вопросы истории. — 1946. — № 5/6. — С. 3–29.
29. Плахонин, А. Г. «История Российская» В. Н. Татищева и исследование генеалогии Рюриковичей [текст] / А. Г. Плахонин // Средневековая Русь. — 2004. — Вып. 4. — С. 299–330.
30. Повесть временных лет [текст] / ред. Д. С. Лихачев, В. А. Адрианова-Перетц, М. Б. Свердлов. — СПб. : Наука, 1996. — 668 с.
31. Полоцкие грамоты XIII – начала XVI в. [текст] / А. Л. Хорошкевич, отв. ред., С. В. Полехов, зам. отв. ред., В. А. Воронин, А. И. Груша, А. А. Жлутко, Е. Р. Сквайрс, А. Г. Тюльпин. — М. : Русский фонд содействия образованию и науке, 2015. — Т. 1. — 864 с.
32. Полное собрание русских летописей [текст]. — СПб. : Типография Эдуарда Праца, 1846. — Т. I. — 392 с.
33. Полное собрание русских летописей [текст]. — СПб. : Типография Эдуарда Праца, 1843. — Т. II. — 392 с.
34. Полное собрание русских летописей [текст]. — СПб. : Типография Эдуарда Праца, 1841. — Т. III. — 320 с.

35. Полное собрание русских летописей [текст] / Под ред. А. Ф. Бычкова. — СПб. : Типография Эдуарда Праца, 1859. — Т. VIII. — 302 с.
36. Полное собрание русских летописей [текст] / Под ред. А. Ф. Бычкова. — СПб. : Типография Эдуарда Праца, 1910. — Т. XV. — 504 с.
37. Полное собрание русских летописей [текст] / Сост. и автор предисл. Н. Н. Улащик. — М. : Наука, 1980. — Т. XXXV. — 306 с.
38. Полное собрание русских летописей [текст] / Изд. подг. [М. Д. Приселковым](#). — Л. : Наука, 1989. — Т. XXXVIII. — 177 с.
39. Сборник русского исторического общества [текст] / Том издан под наблюдением Г. Ф. Карпова. — СПб. : Тип. Ф. Елеонского и К, 1887. — [8], II, X, 5-252 с., 30 стб.
40. Рыков, Ю. Д. Церковно-государственные помянники русских воинов, погибших в начале Ливонской войны, по данным синодика Московского Кремлевского Архангельского собора (предварительные наблюдения) [текст] / Ю. Д. Рыков // Балтийский вопрос в конце XV–XVI вв. : Сборник научных статей / Отв. ред. А. И. Филюшкин. — М., 2010. — С. 161–205.
41. Смирнова, Э. С. Тема киевского наследия в русском искусстве XIV – первой половины XV в. [текст] / Э. С. Смирнова // Harvard Ukrainian Studies. — 2006. — Vol. 28. — № 1/4. — P. 238–244.
42. Шандровская, В. С. Византийская сфрагистика [текст] / Из коллекций академика Н. П. Лихачева: Каталог выставки: [Из собраний Государственного Русского музея, Государственного Эрмитажа, Санкт-Петербургского филиала Института истории РАН / Авт. и сост. А. О. Большаков и др.; авт. вступ. ст. Л. Г. Климанов]. — СПб. , 1993.
43. Янин, В. Л., Литаврин, Г. Г. Новые материалы о происхождении Владимира Мономаха [текст] / В. Л. Янин; Г. Г. Литаврин // Историко-археологический сборник. А. В. Арциховскому к 60-летию со дня рождения и 35-летию научной, педагогической и общественной деятельности. — М., 1962. — С. 205–217.
44. Czamańska, I. Mołdawia i Wołoszczyzna wobec Polski, Węgier i Turcji w XIV i XV w. (UAM. Ser. Historia. № 186.) Poznań, 1996. S. 50–57.
45. Engel, P. A török-Magyar haborúk első éve (1389–1392) / P. Engel // Honor, vár, ispanság. Válogatott tanulmányok. — Budapest, 2003. — S. 555–577.

46. Lietuvos Metrika. Knyga Nr. 6: (1494–1506): Užrašymų knyga 6 = Литовская Метрика. Кн. 6 (1494–1506): Книга записей № 6 / Parengė A. Baliulis. — Vilnius, 2007. — № 19. — С. 63–64.
47. Sach, M. Hochmeister und Grossfürst. Die Beziehungen zwischen dem Deutschen Orden in Preussen und dem Moskauer Staat um die Wende zur Neuzeit / M. Sach. — Stuttgart : Steiner, 2000. — 488 s.
48. Tęgowski, J. Sprawa przyłączenia Podola do Korony Polskiej w końcu XIV wieku / J. Tęgowski // Teki Krakowskie. — 1997. — T. 5. — S. 155–176.
49. Zinkevičius, Z. Lietuvių antroponimika. Vilniaus lietuvių asmenvardžiai XVII a. pradžioje / Z. Zinkevičius. — Vilnius : Mokslo, 1977. — 304 s.